

ДЖУДИТ МАКНОТ

Ночные шорохи

Annotation

Она приехала из маленького городка в Палм-Бич — колонию миллионеров, где жизнь идет как сплошная роскошная вечеринка. Она оказалась в змеином гнезде, где не в новинку — ложь и предательство, мошенничество и даже убийство. Она против своей воли полюбила мужчину, который, возможно, совершил страшное преступление. Она должна успеть понять и успеть вспомнить, чтобы уцелеть — потому что следующий удар будет направлен уже на нее...

Джудит Макнот

Ночные шорохи

Дорогой Ники, приближается твой первый день рождения, и я хочу дать тебе несколько советов, которые пригодятся тебе в дальнейшей жизни. И сделать это будет лучше всего на первой странице моего нового романа.

Целься высоко, как твоя ма.

Стреляй метко, как твой па.

Отстаивай то, во что веришь, как твои дядюшки.

Каждый раз, когда выходишь победителем, не важно, каким бы крошечным ни было достижение, остановись на секунду и послушай приветственные крики. Они звучат в твоём сердце. Ты слышишь их сейчас?

Это радуюсь я, мой родной.

И где бы ты ни находился, я всегда буду на твоей стороне.

Всегда. И навеки.

Автор приносит искреннюю благодарность людям, чьи доброта и поддержка скрасили ей жизнь во время создания этого романа:

Тамаре Андерсон, идеальному посреднику и стратегу, и Джо Гранту, рыцарю в доспехах правосудия.

А также тем людям, без знаний и бесценной помощи которых эта книга не увидела бы свет:

Дону Кларку, агенту по особым поручениям отделения ФБР в Хьюстоне;

Х. А. Контрерасу, начальнику полиции. Южный округ;

Алану и Джеку Хелфманам, моим личным «волшебникам» с неограниченными возможностями;

Майклу Келлару, сотруднику уголовной полиции Хьюстона;

Джону Льюису, ангелу-хранителю.

И наконец, последним в списке, но далеко не последним в моей жизни:

Кэти Ричардсон, моей правой руке, и Джуди Уэбб-Смит, еще одной моей правой руке.

Посвящается Николасу Майклу Шелли

Глава 1

Он повсюду следовал за ней. Вот уже три дня. Следил. Наблюдал. Высматривал.

Ждал.

К этому времени он уже успел изучить все ее привычки и распорядок дня. Знал, когда она встает по утрам, с кем встречается днем и в какое время отходит ко сну. Пронюхал, что она любит читать по ночам в постели, подложив под спину гору подушек. И даже выведал название книги, которую она обычно клала раскрытой на тумбочку переплетом вверх, прежде чем потушить свет.

Ему также было известно, что ее белокурые волосы никогда не знали пергидроля, а необычным фиалковым цветом пугающе прекрасных глаз она обязана природе, а не контактными линзами, хотя и действительно пользовалась этим достижением прогресса. Он собственными глазами видел, что косметику она покупает в аптеке на углу и тратит ровно двадцать пять минут, перед тем как выйти из дома во всеоружии своей красоты. Очевидно, девиз леди — «чистота и аккуратность». Она явно не из тех, кто стремится подчеркнуть преимущества, данные ей природой.

Сначала ему приходилось принимать всяческие предосторожности из опасения, что она заметит слежку, но, похоже, он зря старался. В маленьком городке Белл-Харбор, на восточном побережье Флориды, с его стопятидесяти тысячным населением, пятнадцать тысяч из которого составляли студенты, оказалось довольно легко затеряться среди толпы и в то же время не упустить из виду намеченную добычу, готовую в любую минуту нырнуть в джунгли скоростных автомагистралей с развязками на всех уровнях.

Сегодня он потащился за ней в городской парк, где провел довольно приятный, хотя и скучноватый, день в обществе жизнерадостных любителей пива и их надоедливых верещавших детишек, собравшихся, чтобы поразвлечься на всю катушку и отпраздновать, как полагается. День президента.

Он вообще терпеть не мог этих малявок, с их вечно липкими руками и чумазыми физиономиями! К тому же они, гоняясь друг за другом, то я дело спотыкались о его вытянутые ноги и просили кинуть залетевший в кусты бейсбольный мяч. Их дурацкие выходки невольно привлекали к нему внимание окружающих, так что пришлось искать убежище и покой под раскидистым деревом с толстым узловатым стволом. Правда, скрюченные, причудливо изогнутые корни больно впивались в спину, так что скоро пришлось встать. Господи, как они все его достали!

Он вдруг понял, что терпение вот-вот лопнет. Осточертело вынюхивать и ждать, ждать, ждать!

И чтобы немного успокоиться, принялся вновь и вновь мысленно перебирать задуманное, не сводя глаз с будущей жертвы. В этот момент Слоан как раз спускалась с древнего дуба, откуда пыталась дотянуться до воздушного змея, похожего на черного ястреба с распростертыми крыльями, обрамленными ярко-желтой тесьмой. У подножия дерева гомонила стайка малышей, всячески подбадривая спасительницу. Чуть поодаль топталась группа подростков. Очевидно, интересы болельщиков не совпадали: ребяташкам не терпелось получить обратно свой змей, юных же представителей сильного пола больше интересовали стройные загорелые ножки. Мальчишки подталкивали друг друга локтями и пожирали Слоан жадными взглядами.

Преследователь прекрасно понимал причину такого ажиотажа — будь на месте Слоан двадцатилетняя студенточка, молодые люди и то не обошли бы ее своим вниманием, но такие ножки — и у тридцатилетнего копа! Феноменально!

Обычно его привлекали высокие женщины с пышными формами, но эта не отличалась ростом; всего пять футов четыре дюйма, с маленькой упругой грудью и стройной фигурой, которую хотя и можно было назвать точеной, но уж пышной — ни в коем случае. Да, пожалуй, на разворот «Плейбоя» она не годится, но именно такая — в безупречно выглаженных шортах цвета хаки и белоснежной вязаной кофте, со светлыми, забранными в конский хвост волосами — чем-то притягивала его.

До поры до времени.

Вопль, донесшийся с бейсбольной площадки, заставил двух парнишек отвлечься и взглянуть в его сторону. Он поспешно поднес к губам бумажный стаканчик с фантой, чтобы скрыть лицо, скорее по привычке, чем по необходимости. Последние три дня она ни разу его не заметила, хотя он сделался ее тенью. С чего бы вдруг сейчас ей встревожиться при виде одинокого посетителя парка, заполненного законопослушными гражданами, старавшимися напихать в себя побольше бесплатной еды и заодно повеселиться до упаду?

Преследователь злорадно усмехнулся. Говоря по правде, стоит ей смениться с дежурства, как она становится на редкость безмозглой и беспечной дурочкой. И наверняка не оглянется, когда однажды ночью заслышит шаги за спиной. Да что говорить: даже машину вечно бросает незапертой! Как большинство полицейских в заштатных городишках, она испытывает чувство полной, хотя, разумеется, ложной, безопасности на собственной территории. Слово бляха защитника закона гарантирует полную неуязвимость! Бляха и пистолет... да еще гнусные тайны гнусных людишек, которые рано или поздно становились ей известны.

Однако от него у нее секретов нет! От него не спрячешься. Всего за семьдесят два часа он узнал о ней все жизненно необходимое: рост, вес, номера водительских прав, банковских счетов, годовой доход, адрес — словом, всю ту информацию, которую можно легко выудить из Интернета, если, конечно, знать, где искать. К тому же в кармане лежала ее фотография. Но все эти сведения были поистине ничтожными по сравнению с тем, что стало известно ему сейчас.

Он снова плотнул теплой фанты, стараясь справиться с вновь нахлынувшим нетерпением. Временами она казалась такой чопорной, чинной и правильной, что он тихо радовался собственным точным расчетам; но едва начинало казаться, что можно наконец действовать, как она немедленно становилась порывистой, импульсивной и совершенно непредсказуемой, что многократно увеличивало риск и опасность. Оставалось лишь выждать и не спускать с нее глаз. За эти три дня он выведал те таинственные и не всегда поддающиеся разгадке части головоломки, которые обычно и составляют существо под названием «женщина», но в случае Слоан Рейнолдс картина по-прежнему оставалась неясной и довольно противоречивой.

Сжимая змея в левом кулаке, Слоан добралась до нижней ветви и под громкое «ура» спрыгнула на землю и вручила драгоценность счастливому владельцу. Раздались бурные аплодисменты.

— Ой, Слоан, спасибо большое! — краснея от удовольствия и обожающе глядя на девушку, пробормотал Кении Ландри.

Общее впечатление от его слов портило некоторое пришепетывание, причиной которому

были два недостающих передних зуба, но Слоан, когда-то учившаяся в школе с его мамашей, расплылась в умиленной улыбке.

— Ма боялась, что ты упадешь, но бьюсь об заклад, ты самая храбрая! И никогда ничего не пугаешься!

— Все чего-нибудь да бояться, — возразила Слоан, едва удерживаясь, чтобы не обнять малыша и не опозорить тем самым в глазах приятелей. Вместо этого она лишь довольствовалась тем, что взъерошила рыжеватую шевелюру.

— А я однажды свалилась с дерева, — призналась крохотная девчушка в розовых шортах и бело-розовой футболке, не сводя благоговейного взгляда со Слоан. — И даже разбила локоть.

Малышка Эмма застенчиво улыбнулась и тряхнула рыжими кудряшками. На носу весело пестрела россыпь веснушек. С руки свисала тряпичная кукла.

Буч Ингерсолл, единственный, на кого подвиг Слоан не произвел впечатления, презрительно фыркнул:

— Девчонки пусть возьмется с куклами! Это парни должны лазать по деревьям.

— А моя учительница говорит, что Слоан — настоящая героиня! — провозгласила Эмма, прижимая к себе игрушку, словно та придавала ей храбрости. И, подняв глаза на Слоан, громко выпалила:

— Моя учительница сказала еще, что ты рисковала жизнью, чтобы спасти того мальчика, который упал в колодец.

— Твоя учительница слишком добра, — вздохнула Слоан, поднимая с травы бечеву змея и начиная наматывать ее на катушку.

Мать Эммы тоже была одноклассницей Слоан и сейчас, переводя взгляд с нее на Кении, она никак не могла решить, кто из ребятшек милее. Она невольно видела в забавных мордашках трогательное отражение лиц своих школьных друзей и подруг. И знакомая боль ударила в сердце. Боль несбывшейся мечты о собственном ребенке. Весь прошлый год она мучилась этим пока недостижимым желанием, быстро превращавшимся в настоящую одержимость, граничившую с наваждением. Ей смертельно хотелось вот такого Кении или Эмму, чтобы было кого ласкать, баловать, учить... Вот только, к сожалению, принести свою жизнь на алтарь супружеской любви почему-то не слишком стремилась.

Остальные дети разглядывали Слоан с неприкрытым восхищением, но Буч Ингерсолл держался твердо. Его так просто не взять! Кроме того, отец и дед в свое время были футбольными звездами школьной команды, так что в шесть лет Буч гляделся среди остальных не только настоящим крепышом, но и успел приобрести такую чисто мужскую снисходительность по отношению ко всем представительницам противоположного пола. Кроме того, его дед был начальником полицейского участка, а следовательно, боссом Слоан. Парнишка вызывающе выпятил нижнюю челюсть, чем неприятно напомнил Слоан капитана Ингерсолла.

— Мой дед говорит, что любой коп может спасти малыша, не только ты. Просто тевели... телевизионщики раздули из всего этого шумиху, потому что ты девчонка.

Неделю назад Слоан вызвали на поиски пропавшего малыша, который, как оказалось, провалился в старый колодец. Ей пришлось лезть туда и вытаскивать его. Журналисты, узнавшие об исчезновении ребенка, разумеется, пронюхали историю о чудесном спасении. Через три часа после того, как она решилась спуститься в некое подобие преисподней и провела там самые кошмарные минуты своей жизни, Слоан стала героиней. Грязную,

вымазанную до ушей, совершенно измученную девушку приветствовали оглушительными воплями жители Белл-Харбора, собравшиеся помолиться за жизнь ребенка. К ним присоединились папарацци, которым не терпелось раздобыть очередную сенсацию, способную поднять их рейтинг.

За это время шум несколько улегся, о славе Слоан стали понемногу забывать, к сожалению, правда, не так быстро, как ей хотелось бы. Она искренне находила свою роль телезвезды и местной знаменитости не только дурацкой и неуместной, но крайне раздражающей. С одной стороны, приходилось постоянно сталкиваться с местными поклонниками, провозгласившими ее героиней, чем-то вроде иконы и идеалом женщины одновременно, а с другой — терпеть выходки капитана Ингерсолла, пятидесятипятилетнего женоненавистника, считавшего поступок девушки «выпендриванием и показухой», а ее службу в силах полиции — оскорблением своему достоинству, вызовом вполне заслуженному авторитету и подрывом власти, а также бременем, которое приходилось нести, пока не будет найден способ избавиться от наглой девчонки.

В этот момент на сцене возникла лучшая подруга Слоан, Сара Гиббон, причем как раз в тот момент, когда девушка сделала несколько последних витков и с улыбкой протянула катушку Кении.

— Я слышала вопли и аплодисменты, — объявила Сара, мгновенно вникнув в происходящее. — Что случилось с твоим змеем, Кении?

Она улыбнулась мальчику, и тот мгновенно просиял.

Сара обладала подобным воздействием на мужчин любого возраста. Бедняги замирали на месте и безнадежно оглядывались вслед очаровательному созданию с короткими рыжевато-каштановыми волосами, сверкающими зелеными глазами и стройными ножками.

— Он застрял на дереве.

— Верно, только Слоан его достала, — взволнованно вмешалась Эмма, показывая пухлым пальчиком на вершину дуба.

— На самую верхушку! — вмешался Кении. — И она совсем не боялась. Потому что Слоан храбрая.

Слоан ощутила истинно материнское желание несколько смягчить впечатление, произведенное на детей.

— Быть храбрым еще не значит никогда и ничего не бояться. Смелый человек — тот, кто, несмотря на испуг, делает то, что обязан сделать. Например, вы мужественно говорите правду, хотя боитесь наказания. Вот это настоящая отвага.

Речь была прервана появлением клоуна Кларенса с радугой огромных воздушных шаров. Дети как по команде застыли, но тут же ринулись за желанной добычей, оставив лишь Кении, Эмму и Буча.

— Спасибо за то, что сняла змей, — еще раз поблагодарил малыш с очаровательной беззубой улыбкой.

— Всегда рада, — кивнула Слоан, снова борясь с неотвязным порывом схватить малыша, прижать к себе и осыпать поцелуями забавную липкую рожицу.

Троица наконец последовала примеру остальных и помчалась за шарами, громко споря об истинной степени мужества Слоан.

— Миссис Макмаллин права. Слоан — настоящая, взаврадашняя героиня! — крикнула Эмма.

— Верно-верно. Храбрее ее никого нет на свете! — про возгласил Кении.

Буч Ингерсолл почувствовал себя уязвленным.

— Может, и храбрая для девчонки, — пренебрежительно бросил он, еще сильнее напомнив Слоан шефа Ингерсолла. И как ни странно, именно маленькая застенчивая Эмма распознала оскорбление.

— Девочки такие же храбрые, как мальчики, — вступилась она.

— Вот уж нет! Зря она пошла в полицию! Это мужская работа! Потому они и называются полисменами .

Эмма решительно бросилась на защиту своего кумира;

— Моя мама говорит, что это Слоан Рейнолдс должна быть шефом полиции!

— Вот как? — взвился Буч. — Ну так вот, это мой дедушка — шеф полиции, и он твердит, что твоя Слоан — настоящая заноза в заднице! И что ей следует выйти замуж и рожать детей! Женщины только на это и годятся!

Эмма открыла было рот, чтобы запротестовать, но не нашлась с ответом.

— Ненавижу тебя, Буч Ингерсолл! — крикнула она и умчалась, сжимая куклу, — неоперившаяся феминистка со слезами на глазах.

— Не нужно было так говорить, — насупился Кении. — Она из-за тебя плачет!

— — Ну и что? — фыркнул Буч — неоперившийся сексист, перенявший нетерпимость деда.

— Если завтра не станешь ее обижать, может, она забудет, что ты тут наболтал, — решил Кении — неоперившийся дипломат. Точная копия отца.

Дождавшись, пока дети отбегают подальше, Слоан с кривой улыбкой обернулась к Саре.

— Представляешь, до этой минуты так и не могла решить, кого мне больше хочется: мальчика или девочку. Зато теперь все ясно. Только девочку!

— Можно подумать, у тебя есть выбор, — засмеялась Сара, уже немного уставшая от несколько однообразной темы разговора. — А пока ты станешь решать, какого пола будет твой пока еще не зачатый младенец, смею ли я посоветовать тебе уделить больше внимания поискам кандидата в мужа и отца?

У Сары была тьма поклонников, но каждый раз, отправляясь на новое свидание, она придирчиво искала среди друзей очередного мужчины подходящую партию для Слоан. И если ей это удавалось, начинала хитроумную кампанию с целью пристроить подругу. Каждая такая попытка благополучно проваливалась, что не мешало ей с новыми силами добиваться недостижимого. Сара просто отказывалась понимать, почему Слоан предпочитает одинокие вечера компании привлекательного собеседника.

— Что у тебя на уме на этот раз? — с подозрением осведомилась Слоан, направляясь к бесчисленным сувенирным палаткам и лоткам.

— Смотри, приезжий, что ли? — подтолкнула ее Сара, кивая на высокого мужчину в спортивных брюках и песочного цвета пиджаке. Незнакомец лениво прислонился к дереву, наблюдая за детьми, собравшимися вокруг клоуна, который ловко превращал два красных шарика в лося с ветвистыми рогами. Лицо мужчины было наполовину скрыто большим бумажным стаканом. Слоан заметила его чуть раньше, когда спустилась с дерева, и, поскольку мужчина не двинулся с места, предположила, что он чей-то отец, который старательно пасет своего отпрыска.

— Увы, он уже женат, — заметила она.

— С чего ты взяла?

— Он с места не сдвинулся. С детей глаз не спускает!

Но Сара не собиралась сдаваться.

— Подумаешь! Это еще ничего не значит.

— В таком случае с чего бы ему следить за ними?

— Ну... он может оказаться...

— Раствителем малолетних? — сухо предположила Слоан. Словно почувствовав, что речь идет о нем, мужчина швырнул стаканчик в урну и направился к недавно приобретенной мэрией пожарной машине, собравшей огромную толпу любопытных.

— Тебе повезло, — сообщила Сара, поглядев на часы. — Сегодня для сватовства времени нет. Моя очередь дежурить в нашем киоске. На ближайшие три часа я выбываю из игры.

Сара направилась к палатке своей фирмы по дизайну интерьеров, где раздавались брошюры вместе с бесплатными консультациями.

— Главное, ни один мало-мальски симпатичный тип не подошел за брошюрой, не говоря уже о том, чтобы задать пару-тройку вопросов.

— Крушение надежд, — поддразнила Слоан.

— Верно, — уныло согласилась Сара, подхватив под руку подругу. — Так или иначе я все равно закроюсь минут на двадцать на случай, если захочешь пригласить меня на ленч.

— Через пять минут и я заступаю на вахту в нашем киоске, — сообщила, в свою очередь, Слоан, глянув на часы. — Придется подождать с часик, пока сможем поесть.

— Ладно, но предупреждаю: во что бы то ни стало держись подальше от чили ! Прощлым вечером здесь устраивали конкурс на самый острый чили во всей Флориде, и Пит Салинас выиграл. Теперь его лоток украшен объявлениями об этом выдающемся событии, но умные люди обходят его стороной. Только идиоты могут осилить это варево, — объявила Сара с непоколебимой уверенностью женщины, считающей себя великим знатоком и экспертом в таком сложном предмете, как мужчины.

Но несмотря на столь авторитетное суждение, Слоан недоверчиво покачала головой:

— Должно быть, слухи сильно преувеличены. И чили вовсе не такой уж острый.

— Ошибаешься. Совершенно убойное варево. Ширли Моррисон работает на пункте «Неотложной помощи» и сказала, что жертвы стряпни Пита прибывают просто табунами, на что только не жалуясь, от болей в животе и колик до поноса.

Палатка департамента полиции находилась на северной стороне парка, рядом с автостоянкой. Киоск Сары стоял ярдах в тридцати. Слоан уже собиралась порадоваться такому соседству, но тут к палатке, скрежеща тормозами, подлетела патрульная машина. На переднем сиденье угадывалась тяжеловесная фигура капитана Интерсолла. Он с трудом вылез, распрямился и, хлопнув дверцей, подошел к палатке. Перебросившись парой слов с лейтенантом Карузо, он помрачнел как туча и стал немедленно осматриваться.

— Судя по грозной физиономии, он разыскивает Меня, — вздохнула девушка.

— Ты же сказала, что пять минут у тебя еще в запасе!

— Верно, но ему напле... — Она осеклась и взволнованно схватила подругу за руку:

— Сара, смотри, кто стоит у твоего киоска! Сама миссис Пил! И на каждой руке по кошке!

Миссис Клиффорд Гаррисон Пил была вдовой одного из самых уважаемых и богатых граждан Белл-Харбора.

— Представляешь, потрясающий потенциальный клиент ждет твоего совета! Только смотри, она с приветом. И ужасно требовательна.

— К счастью, я в отличие от нее терпелива и стоворчива, — возразила Сара, и Слоан едва не покатила со смеху, когда подруга бегом бросилась к важной персоне. Покачав головой, Слоан пригладила волосы, проверила, не выбилась ли блузка, и смело пошла навстречу судьбе.

Капитан Рой Ингерсолл, по-прежнему стоя у палатки, что-то наставительно вещал Мэтту Карузо и Джессу Джессапу, которых должна была сменить Слоан. При виде девушки Джесс расплылся в улыбке, Ингерсолл пригвоздил ее к месту разъяренным взглядом, а Карузо, известный подхалим и приспособленец, вначале, подражая напарнику, улыбнулся, но тут же усек, что начальство недовольно, и постарался как можно нагляднее выразить свою неприязнь.

Слоан, обычно старавшаяся отыскать даже в самых отталкивающих людях хорошие стороны, в случае с Мэттом была бессильна, поскольку в довершение к своим не слишком привлекательным качествам он, как было известно всем, служил добровольным стукачом Ингерсолла, и при этом весьма добросовестным. В тридцать три года Карузо успел обзавестись солидным пивным брюшком, небольшой лысиной, а его круглая одутловатая физиономия имела неприятное свойство покрываться крупными каплями пота, стоило шефу полиции обратить на ее обладателя хмурый взор.

Не успела Слоан подойти ближе, как Ингерсолл разразился пространной тирадой.

— Всегда подозревал, что выполнение скучных повседневных обязанностей не идет ни в какое сравнение с показушным геройством на глазах изумленной толпы, — прошипел он. — Но видите ли, нам с лейтенантом Карузо не мешало бы пообедать. Вы чувствуете себя в силах посидеть здесь полчаса, пока мы где-нибудь перекусим?

Иногда его колкости больно ранили, чаще просто раздражали, но эта последняя вышла настолько дурацкой и несправедливой, что сам он отчего-то показался девушке скорее большим толстым капризным ребенком с седыми волосами и жирным животиком, чем беспощадным тираном. Ну что с ним, с таким, поделать?

— Ничего, можете не торопиться, — снисходительно разрешила она. — Я, пожалуй, продежурю весь следующий час.

Удостоверившись, что на этот раз отравленная стрела не достигла цели, Ингерсолл круто повернулся, но, уже отойдя, все же не смог устоять перед соблазном дать последний залп:

— Попробуйте ничего не испортить, пока нас не будет, Рейнолдс.

На этот раз ему удалось вывести Слоан из себя не только потому, что окружающие стали удивленно оборачиваться, но и из-за ехидной ухмылки Карузо. Подождав, пока парочка удалится на несколько шагов, она жизнерадостно крикнула вслед:

— Попробуйте чили! Говорят, это что-то! — И, вспомнив советы Сары, которую считала непререкаемым авторитетом по части мужских вывертов и капризов, добавила чуть громче:

— Только если не выносите перец халапеньо, держитесь подальше от Пита Салинаса и его лотка!

Оба, как по команде обернувшись, наградили ее высокомерно-торжествующими взглядами, исполненными мужского превосходства, и направились напрямиком к лотку Салинаса.

Слоан поспешно отвернулась, чтобы скрыть улыбку, и принялась приводить в порядок стопки брошюр по самообороне для детей и женщин, а также условиям приема на работу в правоохранительные органы. Джесс Джессап, проследив за удалявшимися коллегами, тяжело вздохнул:

— Что за сладкая парочка! Эгоист и подлипала! Слоан была в душе согласна с ним, но предпочла по привычке смягчить ситуацию, а не подливать масла в огонь;

— Зато Ингерсолл — настоящий коп, нужно отдать ему должное.

— А ты чем хуже? Что же он постоянно тебя пинает? — возразил Джесс.

— Просто никого не признает, кроме самого себя, — пояснила Слоан, все еще пытаюсь спасти хорошее настроение и ощущение душевного покоя.

— Ты забываешь о его любимчиках, — рассерженно процедил Джесс.

Слоан ответила неотразимой улыбкой.

— Интересно, кого же он любит?

Подумав немного, Джесс неожиданно хмыкнул.

— Никого, — пробормотал он, очевидно потрясенный сделанным открытием. — Абсолютно никого.

На этом спор и закончился. Оба замолчали, наслаждаясь свежим воздухом и относительным бездействием, отвечая на кивки знакомых или просто прохожих. Вскоре Слоан отметила, что некоторые женщины дефилируют мимо уже второй или третий раз, а улыбки, обращенные к Джессу, становятся все более призывными и откровенными.

Слоан это позабавило, но не удивило. Джесс обладал неким магическим воздействием на прекрасный пол независимо от того, как был одет, но в полицейском мундире выглядел настоящей голливудской звездой в роли обаятельного, мужественного и непреклонного полицейского: вьющиеся темные волосы, ослепительная улыбка, шрам над бровью, придававший ему вид романтического злодея, и в довершение всего ямочка на щеке, делавшая ее обладателя поистине неотразимым.

Он поселился в Белл-Харборе год назад, а до этого семь лет прожил в Майами, где служил в полицейском департаменте округа Дейд. По собственному признанию, Джесс был сыт по горло ростом автокатастроф и преступности в большом городе, поэтому, решив немного передохнуть, в одно прекрасное субботнее утро кинул в джип спальник и смену одежды и направился по Северному шоссе сам не зная куда в поисках живописного пляжа и уютного домика. Так и очутился в Белл-Харборе и, проведя здесь два дня, понял, что обрел настоящий дом. Коллеги постоянно подтрунивали над ним по поводу бесконечных звонков от дам, попавших в затруднительное положение и требующих немедленно их спасти. И поскольку участки патрулирования менялись каждые три месяца, известность Джесса неумолимо росла, а вместе с ней и репутация завязанного донжуана. Все, от секретарей до дежурных сержантов, немилосердно издевались над ним, хотя, к чести Джесса, нужно было отметить, что он никогда не выказывал ни малейшего раздражения и столь сомнительная слава не прибавила ему ни самодовольства, ни тщеславия. И если бы не тот неоспоримый факт, что все женщины, с которыми встречался коллега, неизменно были высокими, стройными красавицами. Слоан посчитала бы, что он совершенно равнодушен к собственной внешности.

Вот и сейчас хорошенькая рыжеволосая девушка о чем-то посоветовалась с двумя подружками, и все трое направились к их столу.

— Смотри, твои фанатки уже на страже, — усмехнулась Слоан. — Кажется, они что-то задумали. Берегись.

К ее неподдельному восторгу, Джесс попытался сделать вид, что не замечает своих поклонниц, и, поспешно отведя глаза, взглянул в сторону палатки Сары.

— Смотри, кажется, у Сары посетители, — удивился он, с преувеличенным вниманием

уставясь вдаль. — Разве это не миссис Пил? Пойду-ка я поздороваюсь.

— Неглупо! — засмеялась Слоан. — Но боюсь, ты обречен. Они либо потащатся за тобой, либо станут торчать здесь, пока не вернешься. Вид у них, во всяком случае, решительный. Такие готовы на все. Впрочем, как почти все женщины в твоём присутствии, — Кроме тебя. — раздраженно прошипел Джесс, чем вызвал у Слоан очередной приступ веселья.

Вся троица отличалась молодостью, красотой и такими фигурками, что Слоан восхищенно вздохнула. Рыженькая, очевидно самая бойкая, заговорила первой. Судя по всему, подружки уже были знакомы с Джессом.

— Привет, Джесс! Нам показалось, что ты ужасно одинок. Вот и решили составить тебе компанию.

— Вот как? — вежливо отозвался Джесс, растягивая губы в деланной улыбке. При ближайшем рассмотрении оказалось, лица дам покрыты таким толстым слоем косметики, что Слоан мысленно добавила к возрасту каждой еще десяток лет.

— Именно! — жизнерадостно ответила рыженькая, окидывая жертву таким долгим томным взглядом, что даже Слоан невольно покраснела. Но, видя, что Джесс не откликается на призыв, соблазнительница попробовала зайти с другой стороны:

— Какое облегчение — знать, что теперь ты патрулируешь наш участок!

— Интересно, почему? — сухо осведомился Джесс, упорно не желая поддаваться на удочку.

Все трое испуганно переглянулись, по и не подумали отступить.

— Но ведь в городе появился маньяк, — напомнила одна из них.

Слоан вздохнула. Последнее время по Белл-Харбору прокатилась волна грабежей со взломом. Жертвами неизменно становились пожилые леди, которых находили в собственных домах избитыми до полусмерти.

— Женщины, да еще одинокие, вне себя от ужаса, — вставила рыженькая. — Особенно по ночам, — многозначительно добавила она.

Джесс неожиданно просиял, словно наконец понял упорные намеки.

— Я могу вам помочь, — торжественно объявил он.

— Правда?

— Клянусь!

Он повернулся к Слоан, мигом превратив ее из заинтересованного наблюдателя в непосредственного участника.

— Не будешь так добра принести вон тот список и три брошюры? — вежливо попросил он.

Слоан безмолвно подчинилась. Джесс раздал подругам брошюры и вручил рыженькой лист бумаги.

— Поставьте здесь свои имена.

Женщины, очевидно, были готовы на все, как мыши под взглядом кобры, и поставили бы свои подписи даже под собственным смертным приговором.

— А что это? — запоздало догадалась спросить рыженькая.

— Классы самообороны, — сообщил Джесс, ехидно ухмыляясь. — Занятия проходят в здании муниципалитета, и первый урок завтра днем.

При этом он отчего-то забыл пояснить, что занятия проводит Слоан, а он лишь показывает некоторые приемы.

— Мы обязательно будем. — пообещала брюнетка.

— Не подведите меня, — интимным шепотом отозвался Джесс.

— Ни за что! — поклялись подруги, перед тем как уйти. Слоан, отметив грациозное покачивание упругих ягодичек и длинные ноги в босоножках на высоченных шпильках, подумала, что выглядят они как девочки из лас-вегасского варьете. Губы девушки чуть приподнялись в легкой улыбке при мысли о том, как бы смотрелась она сама в роли роковой женщины.

— Так и быть, готов выслушать, — сухо объявил Джесс, вернув ее к действительности.

— Что именно? — растерялась девушка, обнаружив, что, вместо того чтобы провожать глазами своих обожательниц, Джесс пристально смотрит на нее.

— О чем ты думала?

— О том, что они похожи на девиц из варьете, — пробормотала сбитая с толку Слоан, чуть ежась под его изучающим — нет, пронизывающим — взором. Она уже несколько раз ловила его на чем-то подобном, но по какой-то причине почти боялась потребовать объяснения.

Джесс прославился еще и тем, что мог добиться признания от любого подозреваемого, просто задав ему вопрос и сверля при этом вот таким тяжелым неотступным взглядом. Правда, преступницей Слоан себя не чувствовала, но все же ей стало немного не по себе, — Честное слово, мне только это пришло в голову, — беспомощно пролепетала она.

— Не только, — вкрадчиво настаивал Джесс. — Что означает эта твоя улыбка?

— А, вот ты о чем, — облегченно засмеялась Слоан. — Пыталась представить себя разгуливающей по парку па этаких каблучицах и в обтягивающей юбке.

— Весьма интересная мысль, — неожиданно перебил он и, прежде чем Слоан успела опомниться, встал, сунул руки в карманы и сказал такое, от чего у нее голова пошла кругом:

— И заодно неплохо бы налепить на мордашку дюйм-другой косметики, чтобы скрыть эту светящуюся кожу. И конечно, выкрасить волосы черной краской.

— Ч-что? — захлебнулась Слоан.

Джесс торжественно кивнул:

— Во всяком случае, умоляю, сделай хоть что-нибудь!

Иначе при виде тебя мне почему-то неизменно вспоминаются ванильное мороженое и клубничный пирог.

В глазах девушки заплясали веселые искорки, голос чуть дрожал от сдерживаемого смеха:

— Значит, я напоминаю тебе о десерте.

— О моем не слишком веселом детстве.

— А каким ты был в детстве? — Слоан мгновенно стала серьезной.

— Не поверишь. В тринадцать лет подвизался в качестве алтарного служки.

— Не может быть!

— Слово чести! Только во время мессы мое внимание постоянно отвлекала девочка, сидевшая в третьем ряду. Из-за нее я чувствовал себя греховодником, — И чем все это кончилось?

— Вначале я всячески выставлял перед ней свое благочестие и умение отправлять церковные обряды как никто другой.

— И это сработало?

— Не совсем как ожидалось. Священник был так доволен, что велел мне весь год

присутствовать на трех службах вместо одной, но на Мэри Сью Боннер это не произвело ни малейшего впечатления.

— Не представляю, как девушка могла вообще игнорировать тебя, пусть и в таком возрасте!

— Знаешь, я сам недоумеваю.

— Что поделаешь: кто-то теряет, кто-то находит.

— Да, но мне пришлось нелегко. Не представляешь, как я хотел добиться Мэри Сью Боннер!

Джесс почти никогда не заговаривал о прошлом, и Слоан сторала от любопытства. Интересно, какой неожиданной стороной откроется этот непредсказуемый человек?

Джесс насмешливо поднял брови:

— И поскольку набожность и религиозный пыл оставили ее холодной как лед, я как-то подстерег Мэри после службы и пригласил в кафе-мороженое. Она заказала шоколадный пломбир, а я — слоеный торт с клубникой...

Он замолчал, очевидно ожидая, что она поинтересуется, как развивались события дальше, и Слоан не смогла устоять перед искушением.

— И после этого ты, разумеется, заполучил желанную добычу?

— Ничего подобного. Я честно пытался еще два года, но по-прежнему был ей безразличен. Как, впрочем, и тебе.

В этот момент он был так неотразимо красив и искренне обескуражен, что Слоан, сама не зная почему, почувствовала себя польщенной.

— Кстати, насчет тебя, — мгновенно сменил он тему. — Ты, конечно, вряд ли согласишься пойти со мной завтра на вечеринку к Питу?

— Я дежурю, но собиралась туда попозже.

— А если бы не дежурила? Приняла бы приглашение?

— Нет, — задорно усмехнулась Слоан и погладила его по плечу, чтобы несколько смягчить резкость отказа... хотя вряд ли это уязвит Джесса. — Во-первых, как я уже объясняла, мы вместе работаем.

— Боюсь, ты редко смотришь телевизор, — усмехнулся Джесс. — Во всех полицейских сериалах напарники влюбляются друг в друга.

— Во-вторых, — как ни в чем не бывало продолжала Слоан, — я принципиально не встречаюсь с мужчинами, которые во сто раз меня привлекательнее. Мое чувствительное «это» этого просто не вынесет.

Джесс принял ее отказ с обычным несокрушимым спокойствием, что лишь укрепило уверенность Слоан в его полном к ней равнодушии.

— В таком случае, — решил он, — пойду, пожалуй, пообедаю, все равно ничего не обломилось.

— Только постарайся, чтобы девушки не сцепились из-за того, кому выпадет счастье оплатить твой заказ, — съязвила Слоан, принимаясь приводить в порядок стол. — Страшно подумать, что тогда выйдет!

— Кстати о поклонниках, — заметил Джесс. — У Сары определенно появился новый. Утром все время торчал у ее палатки, а потом она нас познакомила. Какой-то Джонатан. Бедняга! Если у него не припасено несколько миллиончиков в банке, значит, зря время тратит. Сара — неисправимая кокетка. Ладно, пойду попробую того ч и л и, что ты так хвалила.

— На твоём месте я не стала бы этого делать, — поспешно предупредила Сара.

— Почему нет?

— Потому что пункт первой помощи забит несчастными, решившимися его отведать.

— Ты это серьёзно? Девушка медленно кивнула.

— Абсолютно.

Джесс радостно взвыл и помчался в направлении, противоположном от лотка Салинаса, туда, где продавали пиццу и хот-доги, да так резво, что едва успел поздороваться с Сарой, до сих пор погруженной в беседу с миссис Пил. Неизвестно каким образом одна из кошек уже успела устроиться у нее на руках.

Отбежав подальше, Джесс притормозил у группы подростков и отпустил какую-то остроту, отчего все дружно засмеялись. Слоан с сожалением вздохнула. Как бы ей хотелось плюнуть на все принципы и пойти к нему на свидание, не заботясь о последствиях!

Зная о пристрастиях Джесса к высоким, броско-красивым женщинам, Слоан потеряла дар речи, когда несколько недель назад он пригласил ее на ужин, и окончательно ошалела, когда приглашение повторилось. Какой соблазн сказать «да» и броситься в омут с головой! Джесс ужасно ей нравился и обладал к тому же почти всеми качествами, которые она предпочитала в мужчинах, но... но с таким красавцем поклонником Слоан навеки потеряет покой. В отличие от Сары, желавшей в семейной жизни блеска, роскоши и шика и искавшей подходящего кандидата, обладавшего сразу всем — неотразимой внешностью, обаянием и деньгами, Слоан хотела совершенно противоположного. И мечтала о нормальном, ничем особо не выдающемся человеке. Добром, умном и надежном. Хотела вести почти такую же жизнь, какой жила до сих пор, — скромную, спокойную — с детьми и верным, любящим мужем, который оказался бы к тому же хорошим отцом. Таким, на которого можно положиться. Рассчитывать на его любовь и поддержку до конца дней.

И Джесс вполне подходил бы на эту роль, если бы не притягивал женщин как магнит, а это вряд ли обещало прочный супружеский союз. Конечно, искушение было слишком велико, но и риск казался огромным, поэтому Слоан с сожалением решила избегать каких-либо близких отношений с ним и, разумеется, не встречаться вне работы. Да и дружба подобного рода, несомненно, станет отвлекать их обоих от прямых обязанностей, а Слоан не хотела портить и без того сложные отношения с начальством. Ей нравилась ее работа, и коллеги, за исключением Карузо и Ингерсолла, прекрасно к ней относились.

К четырем часам дня Слоан окончательно выдохлась и хотела лишь поскорее добраться домой. Карузо и Ингерсолл вскоре уехали, жалуясь на приступ внезапного «желудочного гриппа», и Слоан с Джессом пришлось дежурить одним, пока не пришлют замену.

Слоан была на ногах с восьми утра и теперь мечтала о горячей ванне, легком ужине и интересной книге. Сара ушла час назад, предварительно похваставшись, что миссис Пил пригласила ее во вторник посмотреть дом и поговорить о новом интерьере первого этажа. По какой-то причине пожилая женщина хотела, чтобы Слоан тоже присутствовала при разговоре, и, заручившись согласием подруги, Сара отбыла на свидание с блестящим молодым адвокатом по имени Джонатан.

Парк почти опустел, и Слоан, облегченно вздохнув, уселась поудобнее, обхватив лицо ладонями.

— Ты похожа на одинокую заблудившуюся малышку, — усмехнулся Джесс, лениво разглядывая последних посетителей. — Устала или просто надоело все?

— Меня терзают угрызания совести из-за Ингерсолла и Карузо, — призналась она.

— А меня нет! — заверил Джесс. — Ты снова станешь местной героиней, пусть только парни обо всем узнают!

— Ради Бога, молчи, — предупредила Сара. — В нашем городе секретов нет, а полицейские — самые большие сплетники.

— Расслабьтесь, детектив Рейнолдс. Я шучу. — В голосе Джесса неожиданно зазвучали теплые, почти интимные нотки, которых раньше Слоан никогда не слышала. — Кстати, чтобы ты знала: я готов пойти на все, чтобы защитить тебя и уберечь от всех неприятностей, и, уж разумеется, ни за что не причиню тебе зла. . Слоан удивленно подняла голову и уставилась в красивое смеющееся лицо..

— Джесс, да ты, никак, флиртуешь со мной!

Но Джесс отвел глаза и посмотрел куда-то в сторону.

— А вот и наша смена.

Он встал и огляделся, словно проверяя, не забыл ли чего.

— Какие у тебя планы на сегодня? — осведомился он, кивнув подходящим коллегам, Рейгану и Бернби.

— Собираюсь завалиться в постель с интересной книжкой. А ты?

— Любовное свидание, — сообщил он, полностью опровергая предположения Слоан о том, что он с ней флиртует.

— Ну и негодник, — добродушно покачала головой Слоан и нырнула в палатку за сумочкой. А когда появилась на свет Божий, у стола уже стояли Рейган и Бернби, типичные сорокалетние копы, представительные мужчины и надежные друзья, на кого всегда можно положиться, верные мужья и любящие отцы, в памяти которых хранились все чрезвычайные происшествия, автокатастрофы и семейные скандалы, какие только приходилось распутывать.

— Что-то случилось? — спросил Бернби.

Слоан накинула коричневый кожаный ремешок сумочки на плечо.

— Нет.

— Да, — запротестовал Джесс. — Слоан обозвала меня негодником.

— Похоже на правду, — пошутил Бернби, подмигивая Слоан.

— Точно, настоящий негодник, — вмешался ухмыляющийся Рейган.

— Кстати, попробуйте здешнего чили, когда представится случай, — ехидно посоветовал Джесс, ступив за спину Слоан. Та поспешно обернулась и едва не столкнулась с Джессом, которому пришлось схватиться за стропы палатки, чтобы не упасть, — И близко не подходите к этому чили, — предупредила она. — Карузо и Ингерсолл уже маются животами.

— Брюзга, — пожаловался Джесс, подталкивая ее в спину в направлении автостоянки. — Вечно отравит людям всякое удовольствие и испортит настроение!

— Здоровый балбес, — отпарировала Слоан, чьи плечи тряслись от смеха.

— Эй, Слоан! — окликнул Бернби. — Тебя снова показывали в новостях, по шестому каналу. Тот вызов прошлой ночью! Тебе здорово досталось, но ты молодец, крошка!

Слоан кивнула, правда, без особого восторга. Она уже видела выпуск в шесть утра и совсем было забыла о нем, но, очевидно, именно поэтому капитан Ингерсолл так осатанел сегодня.

Бернби и Рейган с живейшим интересом смотрели вслед удалявшейся парочке.

— Как по-твоему, — спросил Рейган, имея в виду подпольный тотализатор, действующий в полицейском участке, — удастся Джессу затащить ее в постель или нет?

Ставлю пятерку, что Слоан натянет ему нос.

— Ставлю десять баксов на Джесса, — объявил Бернби и, сощурившись, еще раз присмотрелся к молодым людям, остановившимся поговорить с очередными посетителями парка. — Если Слоан узнает о пари, разразится настоящий скандал. Уж тогда она нам покажет!

— В таком случае у меня для тебя новость! — с хохотом сообщил Рейган. — По-моему, Слоан уже все знает, и поэтому ваше дельце не выгорит! Просто она слишком умна и хорошо воспитана, чтобы высказать все, что о вас думает.

Машина Слоан, белый «шевроле» без опознавательных знаков, предоставленный ей городом, была запаркована рядом с автомобилем Джесса. Попрощавшись с приятелем, она уже поставила ногу в салон машины, но, повинувшись привычке, оглядела стоянку, желая удостовериться, что вокруг все в порядке.

Белл-Харбор так быстро рос, что в городе каждый день появлялись новые незнакомые лица. Слоан смотрела на толстую девочку-подростка, которая вела за руку забавного малыша, на бабушку с близнецами, гонявшимися друг за другом, и бородатого мужчину, читавшего газету под деревом. Она их видела впервые. Но по мере того как Белл-Харбор превращался из сонного приморского поселка в процветающий центр деловой и культурной жизни, в городе неуклонно увеличивалась преступность.

В парке осталось не более полутора сотен людей. Клоун Кларенс и жонглеры ушли ужинать, большинство палаток и лотков опустело, если не считать скучающих продавцов. На скамейке возле Сарино ларька тоже никого не было, и чисто выбритый незнакомец в песочного цвета пиджаке, казавшемся таким неуместным в солнечный день, тоже куда-то исчез.

Удовлетворенная увиденным, Слоан села в машину, повернула ключ зажигания и посмотрела в зеркальце заднего обзора: никого. Она включила заднюю передачу и, выехав со стоянки, неспешно покатила по рассекающей парк аллее. Да, недаром Бернби поздравлял ее!

Слоан вспомнила о вчерашней ночи, когда пришлось долго отговаривать вдрызг пьяного и обезумевшего бывшего мужа от намерения прикончить дружка разведенной жены. Господи, что только она не делала, прежде чем он согласился бросить пистолет! Когда он наотрез отказался идти в тюрьму за «несовершенное преступление», Слоан принялась убеждать его взглянуть на пребывание в заключении как на возможность расслабиться, успокоиться и подумать о том, как найти более достойную женщину, которая оценит его выдающиеся качества. И ей это удалось. Никто бы ничего не узнал, если бы несостоявшийся убийца не дал интервью местному телевидению и не поведал, что именно Слоан предотвратила жестокую расправу. Опять она стала героиней, правда, на этот раз превозносимой не за храбрость, а за ум и сообразительность. Но лучше бы этого не было. Вчера вечером капитан неохотно похвалил ее за то, что блестяще справилась с ситуацией, но, очевидно, такая громкая слава подчиненной пришлась ему не по вкусу. Сегодняшние новости окончательно вывели его из себя. И Слоан до какой-то степени понимала его. В конце концов, пресса уделяет ей больше внимания, потому что перед ними женщина-полицейский.

Выезжая из ворот парка, Слоан намеренно запретила себе думать о неприятностях. Впереди ждет теплая ванна-джакузи, уют и покой мягкой постели.

Она свернула налево на Блайт-лейн, широкую, вымощенную брусчаткой улицу, вдоль которой выстроились дорогие бутики, антикварные и сувенирные магазинчики под шикарными зелеными маркизами и с огромными пальмами в горшках у дверей.

Слоан редко бывала в деловом квартале и каждый раз удивлялась переменам, произошедшим за последние несколько лет. И хотя вначале коренные жители громко протестовали против засилья чужаков, жалоб становилось все меньше, по мере того как доходы торговцев росли и еще недавно скромные, едва влачившие существование предприятия становились прибыльными чуть ли не за неделю.

Готовые на все, лишь бы привлечь новых процветающих налогоплательщиков, члены муниципалитета, с согласия жителей, выпустили много пакетов акций, доходы от которых было решено пустить на благоустройство города и окрестностей. По настоянию честолюбивой влиятельной жены мэра Блументаля в Белл-Харбор прибыла команда архитекторов из Палм-Бич, и работа закипела.

К тому времени как все было закончено, оказалось, что Белл-Харбор превратился в очаровательное живописное местечко, имеющее явное сходство с Палм-Бич, на что, очевидно, и рассчитывала жена мэра. Перестройка началась со здания муниципалитета и коснулась в основном государственных строений.

В этот час дня движение на улицах было оживленным, и прошло почти пятнадцать минут, прежде чем Слоан свернула на свою улицу и остановилась перед серо-белым угловым коттеджем, который так любила. Пляж был в двух шагах, и до Слоан доносились шум прибоя, детский смех и голоса родителей.

В полуквартале отсюда на стоянку въехал темно-синий седан, припаркованный за микроавтобусом, но и в этом не было ничего необычного. Очередной праздничный вечер, только и всего. Люди разъезжаются по домам.

Слоан всунула ключ в замочную скважину, мечтая, как бы поскорее погрузиться в очередной детектив. Недаром Сара любила величать подругу устрицей и средневековой отшельницей. В отличие от Слоан она ненавидела одиночество. Ну а для Слоан вопрос о времяпрепровождении был решен раз и навсегда. Лучше полежать и почитать, чем строить глазки незнакомому человеку и стараться поддерживать светский разговор.

Девушка улыбнулась при мысли о том, что можно как следует выспаться. Завтрашние занятия по самообороне начнутся не раньше полудня.

Полицейский участок располагался в новом здании муниципалитета, красивом трехэтажном белом особняке с красной черепичной крышей и широкой, изящно изогнутой лоджией, идущей вдоль всего фасада. Внизу раскинулся широкий зеленый газон, на котором были высажены пальмы. Не всякий город мог похвастаться такой мэрией.

Залы судебных заседаний, отделанные дубовыми панелями, и конференц-зал, используемый в основном для городских собраний, занимали третий этаж: офисы мэра и чиновников, а также отдел записей гражданского состояния и архив находились на втором. Первый этаж предназначался для полиции.

Отделка интерьеров была поручена фирме Сары, и ее своеобразная манера и безошибочное чутье явно ощущались в роскошной обстановке офиса мэра и залах судебных заседаний, где мебель была обита темно-синей с коричневым тканью, в тон ковровому покрытию.

Когда дело дошло до помещений полицейского участка, Саре и ее партнерам утвердили довольно скромную смету, не дававшую простора воображению.

Центр просторного помещения занимали три ряда письменных столов, по десять в каждом, снабженные компьютерами, каталожными шкафчиками, офисными креслами и стульями для посетителей. У входа были отгорожены стеклянные клетушки для офицеров рангом повыше, комнаты для совещаний располагались по правую и левую стороны, а в самом конце, за тяжелой, всегда закрытой дверью, скрывался «обезьянник» для временно задержанных.

В мужественной, хотя и бесплодной попытке противостоять общему впечатлению тоски и уныния, неизменно возникавшему у посетителей и сотрудников при виде моря бежевого линолеума, такого же цвета столов и мониторов, дизайнеры застлали середину сине-бежевым паласом и заказали шторы такой же расцветки. К сожалению, ковровое покрытие было постоянно заляпано пятнами от соусов, чая и кофе, оставленными полицейскими, дежурившими по тридцать человек в три смены круглосуточно.

Слоан была одной из немногих, ценивших усилия коллег Сары, однако сейчас и она ничего вокруг не замечала. По праздникам полиции всегда хватало работы, но сегодня выдался особенно тяжелый и суматошный день. Телефоны разрывались, громкие голоса, перемежавшиеся взрывами нервного смеха, неслись из комнаты, где проходили занятия по обороне, и эхом отдавались в коридоре. В комнатах совещаний с самого утра велись допросы свидетелей и подростков, подозреваемых в ограблении, погоня за которыми закончилась автокатастрофой и многочасовой пробкой на шоссе. Родители и адвокаты мальчишек висели на телефонах и потерянно бродили по холлу.

Все это столпотворение безмерно раздражало капитана Ингерсолла, у которого после вчерашнего разыгралась язва желудка. Он то и дело глотал таблетки и шнырял между столами в поисках козла отпущения, на котором мог бы наконец сорвать злость. К тому же Мэрнан Лиджет, его шестидесятипятилетняя секретарша, туговатая на ухо и считавшая только что установленную телефонную систему, снабженную переговорными устройствами, не иначе как изобретением самого дьявола, вносила свою лепту в общий хаос, время от времени появляясь на пороге и зычно призывая босса к телефону.

Сотрудники честно старались сосредоточиться на работе и не обращать внимания на то,

что творилось вокруг, но это было не так-то легко. Всем приходилось туго... всем, кроме Пита Бенсингера, который не мог думать ни о чем ином, кроме предстоящего вечером мальчишника и грядущей свадьбы, и поэтому упорно не обращал внимания ни на дурное настроение Ингерсолла, ни на окружающую обстановку. Весело насвистывая, он разгуливал вдоль столов и то и дело останавливался поболтать с теми, кто был рад хоть на минутку отвлечься.

— Привет, Джесс! — воскликнул он, не дойдя до стола Слоан. — Как делишки?

— Проваливай! — проворчал Джесс, печатавший рапорт о задержании пушера. —

Противно видеть твою веселую рожу!

Нимало не обидевшись. Пит шагнул к столу Слоан, наклонился и, пытаясь подражать Хамфри Богарту, обольстительно улыбнулся.

— Скажи, крошка, что может делать такая красотка, как ты, в этой дыре?

— Надеется встретить такого болтуна, как ты, малыш. Давно мне никто зубы не заговаривал, — бросила Слоан, не поднимая глаз от плана занятий.

— Опоздала! — провозгласил Пит, радостно воздев к небу руки. — На следующей неделе меня захомут. Неужели не слышала?

— Ходили какие-то слухи, — улыбнулась Слоан, продолжая писать.

По правде говоря, едва ли не все ее коллеги принимали живейшее участие в бурном романе Пита. Он встретил Мэри Бет пять месяцев назад и, по собственному признанию, «втрескался с первого взгляда». К несчастью, ни Мэри Бет, ни ее весьма состоятельные родители не были в восторге от ухаживаний простого полицейского, чьи карьерные и финансовые перспективы были крайне сомнительны, чтобы не сказать большего. Но настойчивость, терпение и преданность победили. Вооруженный бесчисленными дружескими советами, многие из которых, честно сказать, никуда не годились, он упорно преследовал Мэри Бет и все-таки, несмотря на все препятствия, добился своего. Теперь Слоан не могла без улыбки смотреть на его восторженное мальчишеское лицо, выражавшее безграничную веру в то, что отныне он поселился на седьмом небе и больше никогда не спустится на грешную землю.

— Не забудь прийти на мальчишник сегодня! Будешь королевой бала, — напомнил он.

Джесс, Лео Рейган и Тед Бернби вначале планировали роскошную вечеринку со стриптизеркой и обычными заморочками надравшихся вдрызг буянов, но Пит и слушать ничего не пожелал, стойко объявляя всем и каждому, что женитьба на Мэри Бет слишком много для него значит и он ни за какие коврижки не сделает того, о чем мог бы позже пожалеть... или, как ехидно вставил Джесс Джессап, того, о чем Мэри Бет заставила бы его пожалеть.

И чтобы уж наверняка оградить себя от всяких неожиданностей, Пит настоял на том, чтобы на мальчишник были допущены дамы. Сам он собирался привести Мэри Бет.

— Сегодня? А я думала, завтра, — схитрила Слоан, неуклюже стараясь сделать вид, что очень занята вечером.

— Слоан, ты просто обязана прийти! Без тебя и праздник не в праздник! Соберемся на берегу! Разожжем костер, устроим барбекю... Нужно когда-то и повеселиться, не все же пахать!

— Похоже на нарушение всех экологических законов! Не хватало еще, чтобы нас арестовали, — пошутила она.

— Представляешь, море пива, — соблазнял Пит, — Пьянство и непристойное поведение

в общественных местах... Нас всех посадят в кутузку, пресса раздует дело на всю страну.

— Кто, интересно, тебя сцапает, если дежурить будет некому? — резонно возразил Пит.

— Как это некому? А я? Мы поделили смену с Диреком Кипински, так что он придет к тебе первым, а я потом. — И при виде сокрушенной физиономии Пита, слегка смягчившись, пояснила:

— Нужно же кому-то проследить за пляжем. Последнее время, особенно по уик-эндам, там проходу нет от наркоманов.

— Знаю. Но арестом пары-тройки пушеров здесь не обойдешься. Эта зараза доставляется морем. Какое-то судно. Вот где корень зла, и искать его нужно именно там.

— Это работа отдела по борьбе с наркотиками, и они, по-моему, уже последовали твоему совету. Наше дело — очистить улицы и пляж. — Подняв глаза, Слоан заметила Сару и встала. — Через десять минут у меня занятия.

Пит дружески стиснул ей плечо и, подойдя к своему столу, поднял трубку. Рядом со Слоан мгновенно очутился Лео Рейган.

— Ставлю десять к одному, что он опять звонит Мэри Бет. Это уже в третий раз сегодня.

— Совсем крыша поехала, — согласился Джесс. Подошедшая Сара небрежно присела на край стола, улыбнулась мужчинам и тоже всмотрелась в Пита, на лице которого играла блаженная ухмылка.

— По-моему, он просто душка, — хихикнула она. — И судя по выражению его лица, определенно любезничает с Мэри Бет.

Удостоверившись, что Пит не обращает ни на кого внимания, Лео вытащил большой конверт и протянул Джессу:

— Собираем деньги на подарок Питу и Мэри Бет. По двадцать пять баксов, — Мы что, решили их домом порадовать? — ворчливо осведомился Джесс, кладя в конверт требуемую сумму. Слоан потянулась за кошельком.

— Столовый сервиз на двенадцать персон, — пояснил Лео.

— Шутишь! — поразился Джесс. — Сколько же детишек они собираются завести?

— Понятия не имею. Знаю только, что Роуз позвонила в магазин, где лежит список, составленный невестой. Веришь, на двадцать пять долларов даже вилку не купишь.

— Ты хотел сказать — вилы? Уж очень, должно быть, здоровая эта самая вилка!

Слоан обменялась с Сарой веселыми взглядами и, в свою очередь, рассталась с двадцатью пятью долларами. В этот момент капитан Ингерсолл соизволил выйти из своего кабинета, орлиным взором окинул сцену и при виде жизнерадостной компании помрачнел как туча.

— Черт, — прошипел Рейган. — Сюда движется Ингерсолл.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Сара, казалось, не обратила ни малейшего внимания на предупреждение.

— погоди, Лео, дай и мне поучаствовать! Она сунула деньги в конверт и включила свое обаяние на полную мощь, искренне и вполне бескорыстно стараясь отвлечь огонь на себя.

— Привет, капитан! Я так за вас волновалась! Слышала, что вы отравились этим ужасным чили, да так, что пришлось бежать на пункт неотложной помощи!

Черты лица Ингерсолла в мгновение ока разгладились и губы искривились в некоем подобии улыбки.

— Это ваша подружка посоветовала его попробовать, — буркнул он, кивнув в сторону Слоан, но при этом как зачарованный не отрывал глаз от Сары. Он даже сделал довольно

неудачную попытку пошутить:

— Разве вы не знаете, что в этом штате подкуп полицейского является серьезным преступлением?

Слоан успела подумать, что с чувством юмора у Ингерсолла явная напряженка, как он натужно-весело добавил:

— Кроме того, строго запрещается отвлекать сотрудника полиции от выполнения служебного долга.

Сара кокетливо похлопала ресницами, и, к всеобщему изумлению, Ингерсолл залился краской.

— Интересно, каким это образом и кого я отвлекаю?

— При одном взгляде на вас бедняги начисто забывают обо всем.

— Неужели? — проворковала Сара.

Джесс, пользуясь тем, что стоит за спиной Ингерсолла, сунул палец в глотку, притворяясь, что его сейчас стошнит. Но тут ему не повезло. Ингерсолл, которого никак нельзя было назвать дураком, сообразив что-то, молниеносно обернулся и поймал Джессапа на месте преступления.

— Какого черта вы кривляетесь, Джессап?

Слоан едва не подавилась, стараясь сдержать смех, но как верный друг поспешила на выручку.

— Принесу, пожалуй, кофе, — вмешалась она. — Капитан, не выпьете ли чашечку?

Подражая Саре, девушка кокетливо-обезоруживающе улыбнулась. Уловка сработала.

— Что? Ну... если вы сами предлагаете, конечно, — буркнул Ингерсолл.

Кофейники громоздились на большом исцарапанном столе, рядом с ксероксами. Слоан направилась туда.

— Два кусочка сахара, — крикнул Ингерсолл вслед Слоан. В этот момент телефон девушки залился звонкой трелью, и капитан, стараясь произвести впечатление на Сару своей деловитостью, схватил трубку. — Ингерсолл, — отрывисто произнес он.

— Насколько я знаю, это номер Слоан Рейнолдс, — отозвался вежливый, но властный мужской голос. — Говорит ее отец.

Ингерсолл глянул на часы. Через три минуты у группы Слоан занятия.

— У нее вот-вот начнется урок по самообороне. Не могли бы вы позвонить позже?

— Я предпочел бы поговорить с ней сейчас.

— Минутку.

Ингерсолл нажал кнопку, — Рейнолдс! Вам звонят. Это ваш отец.

Слоан, бросив два кусочка сахара в чашку, рассеянно ответила:

— Это, должно быть, какая-то ошибка. У меня нет отца.

Очевидно, столь смелое заявление вызвало такой неподдельный интерес, что шум в комнате мгновенно упал на несколько децибел.

— Такого быть не может. У каждого человека есть отец, — резонно возразил Ингерсолл.

— Я хотела сказать, что в жизни его не видела, — поправилась Слоан. — Наверное, ищут кого-то другого.

Ингерсолл, пожав плечами, снова поднял трубку.

— Кому вы звоните?

— Слоан Рейнолдс, — нетерпеливо бросил мужчина.

— Представьте, пожалуйста.

— Картер Рейнолдс.

Челюсть Ингерсолла от неожиданности отвисла:

— Вы сказали — Картер Рейнолдс?

— Именно. И хотел бы побеседовать со Слоан. Ингерсолл выпрямился, сложил руки на груди и уставился на Слоан со смесью недоверия, благоговения и даже некоторого осуждения.

— Имя вашего отца, случайно, не Картер Рейнолдс?

Имя известного на всю страну финансиста-филантропа из Сан-Франциско произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В гудящей голосами комнате воцарилась неловкая, напряженная тишина. Слоан замерла на секунду, забыв о чашках с дымящимся кофе, но тут же взяла себя в руки и подошла к столу. На давно знакомых физиономиях теперь читались совершенно непривычные для Слоан чувства: подозрение, изумление и, кажется, зависть. Даже Сара воззрилась на нее, будто никогда не видела раньше. Ингерсолл взял у Слоан чашку, но не сдвинулся с места, очевидно, желая не пропустить ни слова из столь волнующего разговора.

Но Слоан было абсолютно все равно... Говоря по правде, она уже никого и ничего вокруг не замечала. Подумать только, за все эти годы она не получила даже поздравительной открытки на день рождения от своего исчезнувшего родителя, и ей совершенно безразлично, по какой причине он вдруг возжелал напомнить о себе. Она постарается вежливо, но твердо довести это до его сведения.

Девушка поставила на стол чашку, решительно откинула волосы, взяла трубку и поднесла к уху. Странно, и рука почти не дрожит.

— Слоан Рейнолдс у телефона. До сих пор она никогда не слышала этого голоса... сдержанный, спокойный, с едва уловимыми веселыми нотками...

— Звучит очень профессионально, Слоан. Совсем как настоящий полицейский.

Он не смеет одобрять или не одобрять ее! И вообще не имеет никаких прав на нее и на все, что с ней связано!

Слоан едва сдержалась, чтобы не высказать этому господину все, что о нем думает.

— Вы позвонили не вовремя, — сухо заметила она. — Как-нибудь в другой раз.

— Когда именно?

Перед глазами всплыл недавно виденный снимок отца, стройного красавца с седеющими волосами, с ракеткой в руке. Картер Рейнолдс играет с друзьями в теннис в загородном клубе Палм-Бич.

— Почему бы тебе не вспомнить обо мне еще лет через тридцать?

— Ты раздражена, и вполне справедливо. Не мне винить тебя.

— Раздражена? Ты меня не осуждаешь? — саркастически осведомилась Слоан. — Чрезвычайно мило с вашей стороны, мистер Рейнолдс.

— Давай не будем спорить, — вежливо перебил он. — В конце концов, это наш первый разговор. При встрече можешь бросить мне в лицо все обвинения. Осыпать упреками за пренебрежение родительскими обязанностями. Только через две недели.

Слоан поднесла к глазам трубку, разъяренно оглядела ее и тут же, беспомощно покачав головой, снова поднесла к уху.

— Через две недели? При встрече? Поверьте, мне совершенно не интересно все, что вы так хотите мне сообщить.

— Ошибаешься, — возразил Картер, и у Слоан неожиданно сжалось сердце от

невольного, хотя и злобного, восхищения его невероятной наглостью и железной силой воли, которые, казалось, ощутимо давили на нее, не давая повесить трубку. — Наверное, мне стоило все высказать в письме, но я подумал, что таким образом можно добиться цели куда быстрее.

— То есть по телефону? И чего же именно вы собираетесь добиться?

— Я... — Отец запнулся. — Мы с твоей сестрой просим тебя приехать в Бич на несколько недель, чтобы получше познакомиться. Полгода назад у меня был инфаркт...

«Бич»... Так «свои», разумеется, называют Палм-Бич.

Ну так вот, она не «своя»! Чужая. И не собирается лизать пятки новоявленному папаше с сестрицей!

— Я читала о вашей болезни в газетах, — безразлично сообщила Слоан, давая понять, что получает все сведения о родителе исключительно через официальные источники. Конечно, географически Палм-Бич расположен не особенно далеко, но что касается всего остального — словно находится в другой галактике. Там живут настоящие инопланетяне, не знающие ни забот, ни горестей этого мира.

Чтобы несколько повысить собственный престиж, газета Белл-Харбора всегда перепечатывала воскресную светскую хронику из более солидных изданий своего блестящего южного соседа. Именно там Слоан видела снимки и заметки о Картере Рейнолдсе и его избалованной дочери.

— Поверь, нам нужно получше познакомиться, пока еще не поздно, — уверял отец.

— Ну и наглость! — взорвалась Слоан, с ужасом чувствуя, как веки жгут непрошенные слезы. — Боюсь, уже слишком поздно. У меня нет ни малейшего желания знакомиться с тобой после стольких лет.

— А с сестрой? — вкрадчиво вставил он. — Тебе и она не нужна?

Еще одна фотография всплыла в памяти Слоан. Ее сестра, Парис, рядом с отцом на теннисном корте. Правая рука с ракеткой занесена над темноволосой головой, идеальная фигура, точеные черты лица... словом, само совершенство.

— Не больше, чем нужна я ей, — процедила Слоан, но сама ощутила, как неубедительно, как жалко прозвучали эти слова.

— Парис считает, что многое потеряла в жизни, потому что до сих пор не имела случая узнать свою сестру.

Судя по особому вниманию репортеров и постоянным историям в газетах и журналах, жизнь этой сказочной принцессы представляла собой бесконечную череду волнующих событий, праздников и сюрпризов, от теннисных матчей и кубков за скачки и верховую езду до роскошных приемов в Сан-Франциско и Палм-Бич, на которых она играла роль хозяйки. В тридцать один год Парис Рейнолдс по-прежнему была ослепительно красивой, грациозной и утонченной и до этой минуты абсолютно не нуждалась в Слоан, не желая ни видеть ее, ни слышать о ней. Сознание этого укрепило ослабевшую было решимость Слоан не иметь ничего общего с куда более богатой и счастливой ветвью своего семейства.

— Забудьте обо мне, — твердо посоветовала она. — Прощайте.

— Сегодня я говорил с твоей матерью. Надеюсь, она сможет заставить тебя передумать, — успел сказать он, прежде чем Слоан повесила трубку. Колени ее подогнулись — запоздалая реакция на неожиданный удар, — но она не собиралась выказывать слабость перед посторонними.

— Ну вот и все, — весело объявила она. — Мне пора. Группа ждет.

Входя в импровизированный спортивный зал, где собрались ее ученицы, Слоан уже успела убедить себя, что никаким ненужным эмоциям в ее жизни не должно быть места и следует полностью сосредоточиться на работе и забыть о досадных помехах.

Она закрыла за собой дверь и растянула губы в деланно приветливой улыбке.

— Сегодня мы поговорим о том, как различными способами справиться с потенциально опасными ситуациями, — объявила она, но тут же поняла, что забыла поздороваться и представиться.

— Кстати, меня зовут Слоан Рейнолдс, — снова начала она.

«И мой отец только что впервые в жизни позвонил мне».

Слоан поспешно тряхнула головой. Опять! Пора вспомнить о том, что эти занятия жизненно важны для женщин и они крайне нуждаются в ее советах. Полагаются на ее мастерство, В конце концов, Картер Рейнолдс ничего для нее не значит.

Слоан поспешно выбросила из головы тревожащие мысли и приступила к первой лекции.

— Представим самый обычный случай, когда одинокая женщина неожиданно оказывается в безвыходном положении. Предположим, вы едете ночью одна и колесо спустило. Машин на дороге почти нет, а ближайший город или поселок — в трех-четыре милиах. Что вы сделаете?

В воздух взметнулось сразу несколько рук, и Слоан кивнула привлекательной женщине средних лет, удачливому агенту по продаже недвижимости.

— Закрою дверцы, подниму стекла и останусь в автомобиле, пока не проедет патрульная машина, или ремонтная летучка, или... какой-нибудь водитель, заслуживающий доверия.

Именно такого ответа Слоан и ожидала. Неверного ответа.

— Предположим, — для вида согласилась она. — Скажем, пока вы сидите в машине, рядом останавливается какой-то автомобиль. Выходит мужчина и предлагает вам помощь. Как вы поступите?

— А он выглядит достаточно прилично?

— Но кто ответит, что значит выглядеть прилично? Вы сможете? Вспомните, сколько маньяков казались на вид совершенно порядочными людьми! Но предположим, этот незнакомец не выглядит прилично. Ваши действия?

— Не опуская стекла, совру, что помощь уже в пути, — объявила агент с энтузиазмом первооткрывателя. — Верно?

— Сейчас посмотрим, — сказала Слоан, подходя к столу, на котором стояли телевизор и видеоплеер. — Если ваш рыцарь — хороший человек, который действительно хотел помочь, он уедет. Но если это грабитель, а еще того хуже — насильник или убийца?

— Что он мне сделает? — удивилась женщина. — Я в машине с закрытыми дверцами и поднятыми стеклами.

— Сейчас покажу. Слоан нажала кнопку воспроизведения видеоплеера.

На экране появилась сцена, подобная той, которую она описывала. Роль застрявшей на дороге женщины играла актриса. Рядом остановился автомобиль, и хорошо одетый человек предложил накачать шину. Когда женщина вежливо отказалась от его помощи, он неожиданно схватился за ручку дверцы и попытался ее открыть. Бедняга в панике завопила,

и незнакомец побежал к своей машине, но тут же вернулся с монтировкой, разбил окно, открыл дверцу и вытащил орущую благим матом, отбивающуюся женщину на мостовую, где принялся ее избивать.

Короткий клип был снят настолько реалистично, что потрясенные ученицы долго молчали, после того как Слоан выключила видеоплеер.

— Урок первый, — объявила она с улыбкой, чтобы немного ослабить напряжение. — Ни за что не оставайтесь в неисправной машине. Этим вы превращаете себя в легкую добычу для всех окрестных негодяев.

— В таком случае как же быть? — спросила жена аптекаря.

— Все зависит от того, насколько близко вы находитесь от жилых зданий или предприятий. Если можно добраться до них пешком, пускайтесь в путь. Не можете идти по пересеченной местности — шагайте по шоссе, но готовьтесь нырнуть за куст или спрятаться в канаве, если заметите свет фар. Если же идти чересчур далеко или погода слишком холодная и дождливая, придется оставаться в машине, но опять же — при малейшем шуме прячьтесь где угодно. Пусть даже машину ограбят, все равно не выходите из укрытия.

Убедившись, что ее поняли, Слоан продолжала:

— Предположим, по какой-то причине вам никак нельзя покинуть машину до утра. Все равно постарайтесь укрыться ненадежнее в случае появления чужого авто. Из своего убежища понаблюдайте, что будет делать водитель. Если он попытается взломать дверцу или украсть колпаки и если к тому же с ним еще парочка подвыпивших приятелей, сидите тихо как мышка и не вздумайте протестовать.

Взяв со стола маленький черный предмет, Слоан с улыбкой добавила:

— Если же вам вовсе не улыбается бродить по дорогам и полям в темноте и, уж конечно, совсем не хочется провести ужасную ночь в машине, то и дело бегая как заяц в страхе за собственную жизнь, я счастлива предложить вам альтернативу.

Она продемонстрировала женщинам сотовый телефон и, вмиг став серьезной, предупредила:

— Каждой из вас неплохо бы иметь такой. Понимаю, это лишние расходы, но самую дешевую модель можно приобрести долларов за сто и пользоваться лишь в случае крайней необходимости. Тогда абонентская плата будет совсем невелика. Разумеется, многие из вас посчитают, что в этом случае семейный бюджет затрещит по швам, но подумайте, ведь жизнь все равно дороже. Если вы застряли на дороге, не придется всю ночь прятаться и трястись от страха. Можно связаться с техпомощью, полицией, мужем или друзьями и сказать, что ждете их у своей машины. Кстати, — добавила она при виде входившего в комнату Джесса, — если позвоните в полицию, не забудьте указать, что ждете именно возле машины. И не выпрыгивайте из-за кустов как сумасшедшие, увидев патруль. Дождитесь, пока полицейские выйдут из машины, и спокойно окликните их.

— Почему это? — задиристо спросила Сара.

— Потому что, — сухо вставил Джесс, — такие выходки обычно пугают нас до полусмерти.

Все рассмеялись, но Слоан чуть подняла брови. Эта на первый взгляд совершенно невинная перепалка произвела на нее довольно странное впечатление. Сара, у которой не было врагов, милая, приветливая Сара, почему-то во что бы то ни стало стремилась вынудить Джесса признаться в трусости перед целой стайкой женщин! Слоан чувствовала, что Джесс, никогда не принимавший всерьез женские уколы и подначки, сейчас по-настоящему обозлен.

Непонятно. Эти двое, самые красивые, самые привлекательные люди в Белл-Харборе, терпеть друг друга не могли. И при этом были самыми близкими друзьями Слоан. Подводные течения вражды и неприязни наконец-то вырвались на поверхность, обдав девушку колючими брызгами.

Слоан закончила лекцию, напомнив, что со следующего занятия начнется изучение приемов самообороны, поэтому стоит принести спортивную одежду. Выключив телевизор, она вынула видеокассету из плеера и пошла к выходу. И при этом совершенно забыла, что сегодня из темных глубин прошлого возник призрак Картера Рейнолдса. Но к сожалению, блаженная передышка продлилась лишь до того момента, как Саре удалось застать ее одну.

— До сих пор поверить не могу, что Картер Рейнолдс — твой отец! — взволнованно выпалила Сара, едва за подругами закрылись массивные входные двери муниципалитета. — Невероятно! Подумать только, сколько раз я читала о нем самые поразительные вещи!

— Я и сама как в тумане, — буркнула Слоан, — и, по правде говоря, не предполагала, что все так обернется. Просто никогда не отождествляла своего давно пропавшего отца с личностью Рейнолдса.

Подруги направились к стоянке, где была припаркована машина Слоан. Девушке не хотелось разговаривать на эту тему, но Сара была не из тех, кто легко сдается. К тому же она унеслась мыслями так далеко, что почти не слушала Слоан.

— В детстве ты как-то упомянула, что твои родители давным-давно развелись, но ни словечка не обронила, что твой папаша и есть тот самый Картер Рейнолдс. — Она воздела руки к небу и ошеломленно покачала головой. — Господи, подумать только, яхты и «роллс-ройсы», банки и курорты, и... деньги, деньги, деньги... Горы хрустящих зеленых бумажек! Хотела бы я очутиться на вершине такого холмика! Но как ты могла столько лет хранить от меня эту тайну!

Слоан еще не успела хорошенько поразмыслить о причинах звонка, и неуместные восторги Сары только укрепили в ней решимость отгородиться от всех посулов Картера Рейнолдса, не иметь с ним ничего общего и, уж разумеется, воспрепятствовать всем его попыткам встретиться с брошенной дочерью.

— Пойми же, он мой отец лишь в биологическом смысле слова. За все эти годы он ни разу не поздравил меня с праздником, не позвонил, не написал. Плевать ему было, жива я или нет.

— Но сегодня-то позвонил. И что ему было нужно?

— Просил приехать в Палм-Бич навестить его, чтобы мы смогли получше узнать друг друга. Но я наотрез отказалась. И заруби себе это на носу, — предупредила Слоан, надеясь в корне задуть всякие попытки Сары уломать ее. — Не находишь, что немного поздно разыгрывать из себя заботливого родителя?

В обычных обстоятельствах Сара, неизменно и горячо преданная подруге, взяла бы, разумеется, ее сторону и осыпала бы проклятиями человека, безжалостно бросившего жену с маленьким ребенком. Однако, с ее точки зрения, не было ничего «обычного» в том, чтобы оказаться дочерью человека влиятельного, богатого и способного в любую минуту превратить Золушку в принцессу.

— По-моему, не стоит принимать поспешных решений. Ты слишком торопишься, — заметила она, лихорадочно пытаясь придумать оправдание непростительному поступку Картера. — Я не считаю, что мужчины должны так трястись над своими детьми, как женщины. Возможно, у них не настолько развит инстинкт продолжения рода.

— Сожалею, — язвительно заметила Слоан, — только вряд ли можно объяснить полное безразличие ко мне отца генетическими сбоями. Судя по тому, что я читала и видела, он положительно помешан на моей сестре. Они всегда и везде вместе: играют в теннис, гольф, катаются на лыжах, отдыхают на курортах. Дружная команда победителей. Я потеряла счет количеству выигранных ими призов.

— Сестра? Точно! Боже, ведь у тебя еще и сестра! — потрясенно воскликнула Сара. —

Невозможно! Мы возились с тобой в песке, делали куличики, а потом вместе ходили в школу, даже ветрянкой болели одновременно, и теперь оказывается, что у тебя не только отец миллиардер, но еще и сестра, о которой ты никогда не говорила.

— Только сейчас я выложила почти все, что о ней знаю. И видела ее исключительно на снимках. Могу добавить, что ее зовут Парис и она на год старше меня. И к тому же знать меня не желает.

— Но как все это произошло?

Слоан озабоченно посмотрела на часы.

— У меня остается час до дежурства, чтобы поесть и переодеться. Сегодня я работаю до девяти. Если действительно желаешь послушать мою историю, едем ко мне домой.

В эту минуту Сара была готова на все.

— Разумеется! — обрадовалась она, направляясь к своей красной «тойоте», припаркованной чуть подальше. — Встретимся у тебя.

Чистенький домик, который Слоан купила несколько лет назад, стоял на углу улицы, прямо напротив пляжа, — маленькое, уютное зданьице с двумя крохотными спальнями и маленьким садиком, стоящее в ряду таких же одинаковых особнячков. Именно их местоположение и сравнительно дешевая цена привлекали молодых, не слишком состоятельных покупателей, которые могли бы делать необходимые переоборудования без значительных затрат. В результате весь этот квартал приобрел несколько эклектичный вид. Жилища в авангардном стиле, обшитые вагонкой, мирно соседствовали с очаровательными домиками под старину из оштукатуренного кирпича.

Слоан вкладывала все свои силы и сбережения в покупку и превратила ее в живописный коттедж с белыми цветочными ящиками на окнах и такой же обводкой, оттеняющей темно-серый цвет штукатурки. Когда она приобрела дом, в этом районе жили лишь коренные обитатели Белл-Харбора. Здесь всегда царили тишина и покой, нарушаемые лишь неумолчным рокотом волн, разбивающихся о берег.

Но демографический взрыв в Белл-Харборе положил конец прежним порядкам. Семьи с маленькими детьми искали уединенный пляж, который редко посещает шумная студенческая молодежь. Вот так и был обнаружен заветный уголок Слоан. Теперь же узкая улочка была уставлена по обочинам машинами, причем на знаки, запрещающий парковку, никто не обращал внимания. Некоторые «средства передвижения» даже частично загораживали подъезды к зданиям. Шелест прибоя перекрывался радостными воплями детей и разноголосой музыкой, доносившейся из магнитофонов и приемников.

Сара успела проскользнуть на единственное свободное место, и Слоан едва сдержала улыбку при виде того, как ловко подруга вынудила потесниться водителя темно-синего «форда». Мужчины; как всегда, не могли устоять перед чарами Сары.

— Пора что-то делать с этим скопищем машин, — раздраженно проворчала она, подбежав к Слоан и отряхивая на ходу джинсы. — Они стоят слишком близко друг к другу! Смотри, как я вымазалась, пробираясь между ними!

— Я считаю, что мне крупно повезло, если могу без помех въехать на собственный двор, — покачала головой Слоан, отпирая дверь. Внутри было светло и уютно. Слоан обставила гостиную недорогой плетеной мебелью и разбросала повсюду подушки в наволочках с узором из пальмовых листьев и желтого гибискуса на белом фоне.

— А я буду вне себя от радости, если расскажешь правду о Картере Рейнолдсе. Откуда

он узнал номер твоего телефона?

— Звонил маме.

— Значит, все эти годы они не теряли друг друга из виду?

— Вряд ли.

— Вау! До чего же интересно! Кстати, что она думает о таком внезапном припадке родительской любви?

Слоан была готова дать руку на отсечение, что реакция матери вполне предсказуема, но промолчала и подошла к автоответчику, яростно мигавшему красным огоньком. Устало усмехнувшись, она нажала кнопку воспроизведения. В комнату ворвался восторженный, совсем молодой голос матери. Именно это и ожидала услышать Слоан. Ничего не изменилось.

— Слоан, детка, это мама! Не представляешь, какой чудесный сюрприз тебя ждет! Но не стану портить тебе удовольствие раньше времени. Хочу, чтобы ты тоже порадовалась. Но так и быть, намекну. Тебе обязательно позвонит один человек. Необыкновенный! Постарайся связаться со мной, прежде чем поедешь сегодня на работу.

Второе сообщение было записано двумя минутами позже первого и тоже оказалось от Кимберли Рейнолдс.

— Солнышко, я была так взволнована, когда звонила, потому что у меня голова идет кругом. В «Эскаде» распродажа и полно народу, так что я пообещала Лидии остаться до закрытия и помочь. Только не звони в магазин, потому что Лидия расстраивается, когда служащие пользуются служебным телефоном, а ведь ты знаешь, какая ужасная у нее язва. Не дай Бог, у нее случится очередной приступ. Но и неизвестности я не смогу вынести, так что оставь сообщение на моем автоответчике. Не забудь.

Сара изумленно таращила глаза:

— Подумать только, она на седьмом небе!

— Естественно, — пожалала плечами Слоан, ничуть не удивленная привычным наивным оптимизмом матери. Если верить свидетельству о рождении, именно Кимберли произвела на свет Слоан, но вопрос, кто кого воспитывал, оставался открытым. Весь город знал, что мать и дочь поменялись местами и Кимберли пришлось бы нелегко, не будь у нее решительной, волевой и очень рано повзрослевшей дочери. — А что тут необычного?

— Не знаю... просто подумала, что Ким, вероятно, затаила обиду...

Слоан театрально закатила глаза.

— Очнись! Мы говорим о моей мамочке, милой, беспомощной, до глупости доброй женщине, которая никому ни в чем не может отказать, боясь, что ранит чужие чувства или покажется грубой. Той самой, которая только что позволила этой негодяйке Лидии самым наглým образом заставить ее работать еще шесть часов сверхурочно. Это Кимберли, которая боится воспользоваться телефоном магазина из страха, что у старой ведьмы обострится язва! Та самая бедняжка, которая пятнадцать лет трудится до упаду за сущие гроши и привлекает в магазин больше покупателей, чем все остальные продавцы, вместе взятые!

Сара, любившая Кимберли как родную мать, сокрушенно вздохнула.

— Неужели ты действительно считала, что эта самая женщина, практически вырастившая тебя, способна затаить обиду на Картера Рейнолдса всего лишь потому, что он тридцать лет назад бросил ее, разбил ей сердце и ушел, даже не оглянувшись? — саркастически осведомилась Слоан.

Сара, смеясь, подняла руки.

— Сдаюсь! Ты совершенно права. Должно быть, на меня что-то нашло. Мгновенное затмение. Прости.

Слоан, удовлетворенная результатами своей обличительной речи, снова нажала кнопку воспроизведения. По-видимому, на этот раз Кимберли звонила всего за четверть часа до приезда дочери.

— Солнышко, это снова я. У меня перерыв, так что я звоню из того автомата, что в аптеке. Джесс сказал, что ты уже поговорила с отцом, так что я больше не опасаясь испортить тебе сюрприз. Все время думаю о том, что именно тебе стоит взять с собой в Палм-Бич. Конечно, ты каждый отложенный цент тратишь на дом, но нужно позаботиться о новеньком, с иголки, гардеробе. Не волнуйся, детка, к отъезду ты обзаведешься горой самой модной одежды. Я об этом позабочусь!

Многозначительно поглядев на Сару, Слоан включила перемотку. Стерла сообщения и снова включила автоответчик. И лишь потом набрала номер матери и, дождавшись длинного гудка, четко, отдельно выговорила:

— Привет, ма, это Слоан. Я действительно говорила с Картером Рейнолдсом, но никуда не еду. И не имею ни малейшего желания знакомиться ни с ним, ни с Парис. Я тебя очень люблю. Пока.

Она повесила трубку и обернулась к подруге.

— Погибаю от голода! — провозгласила она с таким видом, словно тема Картера уже исчерпана и возвращаться к ней не стоит, — Пожалуй, съем-ка я сандвич с тунцом. Хочешь, и тебе сделаю?

И, не дожидаясь ответа, направилась на кухню и принялась шарить в шкафах. Сара молча смотрела вслед подруге. Теперь, немного очнувшись от потрясения, она чувствовала, что не только сбита с толку, но и оскорблена до глубины души. Как могли Кимберли и Слоан столько лет скрывать от нее правду? Ведь ближе их у Сары нет никого на свете!

Своей семьи у Сары не было. Ее мать, донельзя распущенная, буйная хулиганка-алкоголичка, даже не заметила, что четырехлетняя заброшенная дочь почти все время проводит в соседнем доме. Сидя рядом со Слоан за старым кухонным столом с белой пластиковой столешницей и ножками из нержавеющей стали, Сара старательно училась рисовать толстыми фломастерами в книжках-раскрасках, которые подружка охотно с ней делила. Именно Ким осыпала похвалами первые работы девочки. На следующий год обе дружно отправились в детский сад, крепко держась за руки, гордые новыми яркими рюкзаками, купленными Кимберли. Вернувшись домой, обе торжественно предъявили рисунки с большими звездочками, нарисованными учительницей. Кимберли немедленно прикрепила скотчем к холодильнику листок с мазней дочери, и девочки побежали домой к Саре, чтобы похвастаться ее успехами. Но мать Сары, миссис Гиббон, небрежно бросила рисунок девочки на неубранный стол, прямо на мокрые пятна от виски. Когда Слоан попыталась рассказать о звезде, она велела девочке заткнуться и принялась оскорблять дочь самыми грязными ругательствами, пока не довела до слез. Но Слоан не растерялась и, как ни странно, ничуть не испугалась. Просто схватила рисунок и, взяв Сару за руку, повела к себе.

— Сарина мама никак не найдет места для картинки, — объяснила она Кимберли едва слышным дрожащим голосом, в котором, однако, прорывались свирепые нотки, так что Сара удивленно поглядывала на подружку. Взяв скотч, Слоан прикрепила рисунок Сары рядом со своим.

— Устроим настоящую выставку, ладно, мамочка? — догадалась спросить она,

прижимая ладошку к клейкой ленте.

Сара затаила дыхание, испугавшись, что миссис Рейнолдс не захочет видеть в своем доме чьи-то чужие рисунки, но Кимберли только улыбнулась, обняла малышей и объявила, что это прекрасная идея. И ее благородный поступок навеки отпечатался в памяти Сары, потому что с того времени она больше никогда не испытывала одиночества. Еще не раз мать девочки унижала и даже била ее. Еще не раз Слоан приходилось быть свидетельницей бесчеловечного обращения с подругой и становиться на ее защиту, преодолевая слезы и страх. Еще не раз у Кимберли находились для девочек слова утешения, а то и одинаковые подарки, которые зачастую были ей не по карману. Но в тот день Сара в последний раз чувствовала себя беспомощной пылинкой в жестоком, бессмысленном мире, где у всех, кроме нее, было у кого поплакать на плече.

В последующие годы вместо детских рисунков на холодильнике появились школьные табели и вырезки из газет с именами девочек, подчеркнутыми красным. Раскраски и фломастеры, разбросанные на кухонном столе, уступили место учебникам по алгебре и тетрадам; темами для бесед попеременно становились придиры-учителя, мальчики-воображалы и деньги, которых вечно не хватало. Немного повзрослев, Слоан и Сара поняли, что Ким просто не умеет обращаться с деньгами и растягивать скудное жалованье на целый месяц, поэтому отныне всеми расчетами занималась Слоан, так что мать и дочь окончательно поменялись ролями. Только одно оставалось неизменным: Сара всегда чувствовала себя любимым и дорогим членом маленького семейства.

Учитывая все это, неудивительно, что ее так потрясло неприятное открытие. Оказывается, от нее утаили правду!

Сара придвинула стул к кухонному столу и уселась. Господи, как же часто они со Слоан трудились за таким же вот столом! Сотни раз!

Слоан оглянулась на подругу.

— Хочешь сэндвич? — повторила она.

— Конечно, я понимаю, что это не мое дело, — начала Сара, впервые за все это время ощущая себя чужой, — но можешь по крайней мере сказать мне, почему ты держала все это в тайне?

Слоан резко обернулась, испуганная непривычно оскорбленным тоном подруги.

— Какая же тут тайна? Мы, в общем, ничего не скрывали. Ты просто не помнишь, но давным-давно мы рассказывали друг другу о наших отцах. История довольно банальная. Когда маме исполнилось восемнадцать, она стала победительницей местного конкурса красоты, и первым призом была недельная поездка в Форт-Лодердейл с пребыванием в лучшем отеле. Там же остановился Картер Рейнолдс. На несколько лет старше, невероятно красивый и неизмеримо лучше знающий жизнь, он сразу покорило ее сердце. Мама искренне верила, что это любовь с первого взгляда, что они поженятся и будут счастливы вместе и умрут в один день. Но печальная истина заключалась в том, что он не имел ни малейшего намерения связывать судьбу с провинциальной простушкой. К сожалению, вскоре обнаружилось, что мама забеременела, и ему пришлось совершить единственный благородный поступок в жизни. Следующие два года они жили около Корел-Гейблз, перебивались тем, что зарабатывал отец, и у мамы родился второй ребенок.

Ма считала, что жизнь прекрасна и она пребывает в раю, до той минуты, пока у дома не остановился лимузин с водителем. Мамаша Картера соизволила посетить их скромное жилище. Оказалось, что она решила дать блудному сыночку шанс вернуться в лоно семьи, и

тот немедленно ухватился за предоставленную возможность. Вдвоем они сумели убедить потрясенную, рыдающую Кимберли, что с ее стороны будет чистейшим эгоизмом цепляться за человека, который хочет вырваться на свободу, и к тому же лишать его возможности видеться с детьми. Они попросили отпустить с ними старшую дочь, Парис, под предлогом, что девочке не мешает немного погостить в Сан-Франциско. Потом маму заставили дать письменное согласие на развод. Ей даже не дали прочесть все документы, особенно те пункты, что были напечатаны мелким шрифтом. Только гораздо позже она узнала, что, оказывается, отказалась от всех прав на Парис. Три часа спустя они уехали. Навсегда. Конец сказки.

Сара смотрела на подругу глазами, полными слез сочувствия и ярости.

— Ты в самом деле рассказывала мне эту историю много лет назад, — призналась она наконец, — но я была слишком мала, чтобы понять, как подло с вами обошлись и сколько страданий доставили Кимберли!

Слоан немедленно воспользовалась настроением Сары, чтобы доказать свою правоту.

— Ну, теперь скажи: неужели ты хотела бы иметь подобных родственников? Или постаралась бы забыть их?

— Забыть? Да я прикончила бы собственными руками этого ублюдка! — прошипела Сара, но тут же рассмеялась.

— Вполне нормальная реакция и точная характеристика моего папочки, — одобрительно кивнула Слоан, ставя на стол тарелки с сэндвичами. — Но поскольку мама моя и мухи не прихлопнет, а я тогда была слишком мала, чтобы сделать это за нее, да и всякие разговоры о нем или моей сестре причиняли ей невыразимую боль, я выбросила их из сердца и предпочла считать, что они вообще не существуют в природе. В конце концов мы всегда были рядом, а потом у нас появилась ты. Ничего себе семейка, верно?

— Верно! — от всей души подтвердила Сара, только вот почему-то не смогла улыбнуться. — А Ким не пробовали вернуть Парис?

Слоан покачала головой.

— Мама посоветовалась с местным адвокатом, и он сказал, будто понадобится целое состояние, чтобы нанять таких блестящих адвокатов, как у семейства Рейнолдс, и даже тогда не известно, сумеем ли мы выиграть дело. Ма всегда пыталась убедить себя, что Парис повезло и что сама она никогда не смогла бы дать своей старшей дочери ни таких возможностей, ни настоящего образования.

Несмотря на спокойный тон, Слоан переполняли гнев и горечь. Раньше самыми сильными эмоциями были презрение к отцу и жалость к матери. Теперь же жалость превратилась в глубочайшее, почти болезненное сострадание, а гнев — в бешенство. Этот безжалостный, подлый, эгоистичный человек смеет о чем-то ее просить! Слава Богу, она взрослая и способна сама за себя постоять. После тридцати лет полного безразличия и пренебрежения он смеет воображать, что одним-единственным звонком может исправить все и брошенная жена и забытая дочь станут лизать его руки и благодарно кланяться за такую милость. Зря она не объявила во всеуслышание, что скорее проведет неделю в гнезде скорпионов, чем в его доме. И конечно, нужно было назвать его в лицо последним подонком.

Глава 7

Соседка миссис Риверы заметила дым, рвущийся из-под двери, и позвонила в Службу спасения. Пожарные прибыли через шесть минут, но спасти убогий каркасный домишко так и не смогли.

Слоан возвращалась домой с работы, намереваясь переодеться и идти на пляж, где веселье было в самом разгаре, но тут запиликал бипер, и девушка бросилась на помощь. К тому времени, когда она прибежала на место трагедии, улица была уже забита машинами пожарных, полиции и «скорой помощи». Мигалки казались в ночи сигналами бедствия, сирены выли не переставая, по мостовой, словно жирные белые змеи, извивались пожарные рукава. Полицейские встали кордоном, оградив горящий дом и пытаясь сдержать толпу любопытных.

Слоан как раз закончила брать показания у одного из соседей, когда появилась миссис Ривера. Тяжеловесная пожилая женщина растолкала полицейских и зевак, как идущий на прорыв полузащитник, споткнулась о шланг и очутилась в объятиях Слоан, едва не сбив ее с ног.

— Мой дом! — завопила она, пытаясь вырваться.

— Туда нельзя, — уговаривала девушка. — Вы только мешаете тем, кто старается спасти ваш дом.

Но миссис Ривера, вместо того чтобы хоть ненадолго уняться, впала в истерику.

— Собака! — взвизгнула она. — Там моя Дейзи! Слоан обняла женщину за плечи.

— Не волнуйтесь. Дейзи — это такая коричневая с белым собачка?

— Да, маленькая. Коричневая с белыми пятнами. — По-моему, я видела ее несколько минут назад. Она успела убежать. Позовите ее. Поищем вместе.

— Дейзи, — всхлипнула миссис Ривера, беспомощно опустив руки. — Дейзи! Дейзи, где ты?!

Слоан медленно оглядывала улицу, высматривая укромные местечки, где могло спрятаться перепуганное животное, и ей наконец повезло. Мордочка, покрытая сажей и пеплом, неожиданно высунулась из-под патрульной машины.

— Вот она!

— Дейзи! — вскрикнула миссис Ривера, подхватывая любимицу. Слоан ничего не оставалось делать, как вновь утешать убитую горем беднягу и вместе с ней наблюдать, как жадное пламя пожирает крышу и лижет крыльцо.

— Кто-то из соседей сказал, что недалеко отсюда живет ваша дочь, — мягко заметила Слоан. — Сейчас позвоню, чтобы за ней прислали машину, — предложила девушка.

Домой она добралась так поздно, что не осталось времени даже принять душ и вымыть голову перед вечеринкой Пита. Оставив машину перед домом, Слоан схватила сумочку и перебежала дорогу. Пробираясь между машинами, стоявшими почти вплотную вдоль тротуара. Слоан заметила, что за рулем одной из них кто-то сидит, но стоило ей присмотреться внимательнее, как темная фигура мгновенно исчезла, словно незнакомец скорчился на сиденье, не желая, чтобы его увидели.

Слоан едва не поддавалась искушению проверить, в чем тут дело, но, решив, что на сегодня с нее достаточно приключений, пожалала плечами и направилась дальше. В конце концов, она спешит, а водитель, возможно, нагнул, уронив что-то. А может, решил вздремнуть. А вероятнее всего, она просто поймала взглядом отражение колышущихся пальмовых листьев в ветровом стекле.

Продолжая убеждать себя, она одним глазом наблюдала за подозрительным «фордом», пока не прошла длинный ряд продуктовых лотков. Уже заворачивая за фургончик с мороженым, Слоан оглянулась и увидела, как в машине зажегся свет. Дверца распахнулась, и оттуда вышел высокий мужчина, который медленно побрел к цепочке песчаных дюн.

Подозрения Слоан разгорелись с новой силой, и она замерла, прижавшись к стене здания. К северу от лотков простирался трехмильный отрезок пляжа с разбросанными по нему круглыми будочками. Здесь часто устраивались барбекю или незатейливые празднества. Именно это место выбрал для своего мальчишника Пит Бенсингер. Но там, куда направлялся незнакомец, не было ничего, кроме дюн, представлявших собой идеальное укрытие для влюбленных парочек, жаждавших уединения, да людей, промышлявших куда менее невинными делишками.

Слоан понимала, что чересчур нервничает и никак не может взять себя в руки: следствие сегодняшнего телефонного звонка, так внезапно и жестоко выбившего ее из колеи. Но было что-то в этом человеке неприятностораживающее. Во-первых, его фигура показалась ей знакомой, во-вторых, его костюм отнюдь не подходил для поздней прогулки по пляжу. Но самое главное — во всем его облике чувствовалось напряжение: он не шел, а крался, явно не желая, чтобы его заметили. Всему городу было известно, что дюны — место небезопасное. Грабежи, насилия, продажа наркотиков были здесь обычными явлениями, а несколько лет назад даже случилось убийство.

Слоан снова обогнула фургончик с мороженым и, стараясь шагать бесшумно, пошла обратно, вдоль тыльной стороны лотков. Отсюда она сможет незаметно наблюдать за мужчиной.

Проклиная про себя песок, набившийся в туфли, незнакомец остановился у самых дюн, выжидая, пока добыча появится на пляже. Она была так доверчива, так беспечна, так предсказуема, что он сам потерял бдительность и, не увидев девушки, ничуть не встревожился. Она слишком торопилась и, должно быть, забыла что-нибудь и вернулась в дом. И вместо того чтобы пуститься вслед за ней, рискуя снова набрать песка в туфли, он отступил и присел в развилке между двумя дюнами. Убедившись, что надежно скрыт высокой травой, мужчина извлек из кармана трубочку мятной карамели, снял серебряную фольгу и выжидающе подался вперед. Луна скрылась за облаком, но уличный фонарь горел достаточно ярко, чтобы видеть, как девушка возникла в нескольких шагах от него и тут же исчезла за песчаными насыпями. Ее неожиданный маневр сбил его с толку и одновременно добавил немного остроты в четырехдневную унылую и крайне утомительную слежку. Можно по крайней мере немного поразвлечься, поскольку она что-то задумала. Интересно...

Мужчина осторожно встал, вытянул шею, чутко улавливая каждое движение, каждый звук, но девушка, казалось, растворилась во тьме. Тихо выругавшись, он повернулся и принялся взбираться на песчаный холмик. Сейчас он поднимется повыше и отыщет ее...

— Стоять!

Незнакомец испуганно вздрогнул, от неожиданности выпустил из рук стебли рогоза, медленно сполз к подножию дюш., потерял равновесие и покачнулся. Ноги вязли в толстом слое песка, однако он собрался с силами, повернулся и бросился на Слоан, но тут же споткнулся, получив резкий удар ребром ладони по шее, и рухнул лицом вниз. Правда, сознания не потерял и, смаргивая песчинки, повернул голову. Она стояла чуть поодаль: ноги расставлены, в вытянутых руках «глок» девятого калибра.

— Руки за спину, так, чтобы я видела! — приказала она. На какой-то момент он едва не поддавался порыву подчиниться. При падении пиджак распахнулся, и девчонка, разумеется, поняла, что он вооружен, и теперь попытается обезоружить его, чего, разумеется, нельзя допустить.

Он медленно растянул губы в улыбке и заложил руки за спину.

— Для такой маленькой девочки это слишком большая пушка!

— Сцепите пальцы и перевернитесь на спину.

— Что, — понимающе ухмыльнулся незнакомец, — наручники дома оставили?

У Слоан не было не только наручников, но и обувного шнурка, чтобы связать ему запястья. Ну и денек! Нужно же было именно ей наткнуться на психа, у которого явно поехала крыша. Только ненормальный способен улыбаться и шутить во время задержания. И к тому же он вооружен! Не хватало еще стрельбы на пляже!

— Делайте как ведено, — буркнула Слоан, поднимая «глок» чуть выше. — Перевернитесь на спину так, чтобы придавить ладони.

Неизвестный улыбнулся еще шире. Он точно со сдвигом.

— Боюсь, ваш план не сработает. Когда вы потянетесь за моим пистолетом, мне останется лишь немного приподняться, схватить вас за руку, вывернуть и пристрелить вас из вашей же пушки. Никогда не видели, что может сделать с человеком пуля девятого калибра?

С этого кретина станется открыть пальбу по каждому, кто появится на пляже. И уж разумеется, Слоан не собиралась пасть жертвой первого попавшегося маньяка. Сжавшись от напряжения, девушка нацелилась прямо в точку между его глазами.

— Не заставляйте меня применить последнее средство, — процедила она.

Чуть прищурившись, он быстро прикинул, куда она целится, и нехотя перевернулся на спину.

— У меня в бумажнике двадцать пять штук, — решил переменить он тактику. — Забирайте — и разойдемся с миром. Никто ничего не узнает.

Но Слоан, проигнорировав заманчивое предложение, повернула дуло вверх и выпалила в небо три раза, а потом снова прицелилась в задержанного. Эхо выстрелов громовым раскатом отдалось в воздухе, и откуда-то с берега послушались тревожные крики.

— Какого черта вы вытворяете?! — заорал задержанный.

— Позвала подкрепление, — ехидно пояснила Слоан. — Мои ребята там, на пляже. Сейчас прибегут, И тут с мужчиной произошли удивительные перемены. Перед ней предстал жесткий, собранный, беспощадный противник.

— Думаю, мне пора представиться, — рявкнул он. — Пол Ричардсон, агент ФБР по особым поручениям, а вы, детектив Рейнолдс, кажется, собираетесь меня раскрыть?

Несмотря на тот странный факт, что ему было известно ее имя, и невероятную метаморфозу, случившуюся с задержанным, у Слоан не было никаких оснований ему верить. И все же...

— Предъявите удостоверение.

— Оно в кармане пиджака.

— Садитесь, только медленно, — приказала она, не отводя пистолета. — Выньте его левой рукой и бросьте мне.

Плоский кожаный футляр приземлился у ее ног. Продолжая держать мужчину под прицелом, она нагнулась и открыла корочки. Фотография... печати... подписи...

— Удовлетворены? — осведомился он, вскакивая. Но Слоан уже была вне себя от бешенства. Ее билась крупная дрожь — запоздалая реакция на пережитое потрясение. Подумать только, этот подонок вообразил, что может безнаказанно над ней издеваться!

— Вы решили позабавиться или имеются все же более веские причины столь странного поведения? Чего вы хотели добиться, перепугав меня насмерть? — холодно осведомилась она.

Незнакомец равнодушно пожал плечами, принимаясь отряхиваться.

— Просто получил возможность узнать, как вы действуете в чрезвычайных ситуациях, и решил ею воспользоваться.

Присмотревшись внимательнее, Слоан вдруг поняла, почему он показался ей знакомым. И наверняка не говорит всей правды.

— Послушайте, ведь это вы были вчера в парке и на стоянке перед муниципалитетом! Сколько дней вы за мной следите?

Вместо ответа он застегнул молнию хлопчатобумажной ветровки, чтобы спрятать коричневую кожаную кобуру, висевшую под мышкой. И только потом поднял глаза.

— Тут вы совершенно правы. За вами действительно ведется слежка.

— Но почему? Какой интерес представляю я для ФБР?

— Не вы. Картер Рейнолдс.

— Что? — непонимающе переспросила она.

— Нас интересует ваш отец.

Слоан ошарашенно уставилась на него, совершенно сбитая с толку. Отец так давно перестал существовать для нее, что она попросту не отождествляла имя Картера Рейнолдса с человеком, имевшим какое-то отношение к ее появлению на свет. И вот теперь всего лишь за один день он ухитрился дважды напомнить о себе. Прошлое восстало из пепла и вцепилось в нее своими грязными лапами.

— Понятия не имею, что он сотворил, но я не имею к этому никакого отношения. У меня с Рейнолдсом ничего общего.

— Мы это знаем.

Пол взглянул в сторону пляжа, по которому мчались трое мужчин. Один держал в руке фонарик, и луч света плясал на песке, отбрасывая длинные тени, словно огонек крохотного маяка, затерявшийся в ночи.

— Похоже, подкрепление вот-вот прибудет, — заметил Пол и, взяв Слоан под руку, поволок девушку вперед. — Давайте встретим их вместе.

Слоан механически переставляла налитые свинцом ноги. В голове ни единой мысли, словно опилками набита!

— Делайте вид, что все в порядке, — прошипел агент. — Познакомьте меня с друзьями. И если кто-то спросит, скажите, что мы встретились в Форт-Лодердейлс два месяца назад, во время семинара работников полиции. Там же вы пригласили меня провести праздники в Белл-Харборс. А теперь улыбнитесь и помашите.

Слоан молча повиновалась, но в себя так и не пришла.

И думала лишь о том, что ФБР занялось Карте ром. Ей сели на хвост, и всего лишь несколько минут назад агент этого самого ФБР пытался спровоцировать ее на получение взятки!

Но тут подбежал Джесс, оставивший друзей далеко позади. Он ничуть не запыхался. Будто только что совершил приятную прогулку.

— Кажется, где-то здесь стреляли! — выпалил он, обшаривая взглядом дюны. — Ты ничего не слышала?

Слоан отчаянно попыталась принять беспечно-веселый вид. Нелегко лгать старому другу, который примчался тебя спасать!

— Это петарды, Джесс. Двое подростков забрались в дюны, чтобы устроить фейерверк, а увидев меня, тут же разбежались.

— Похоже на выстрелы, — упрямо возразил Джесс, нахмурившись и пристально глядя вдаль.

Вскоре появились Тед Бернби и Лео Рейган.

— Вроде бы стреляли, — пропыхтел Тед. Стоявший рядом Лео лишь беспомощно шевелил губами: за последние годы он окончательно потерял форму и сейчас никак не мог отдышаться.

— Подростки запускали ракеты, — снова солгала Слоан, неловко морщась. Ей действительно было не по себе. Почему ее вынуждают говорить не правду?

Лео и Тед, казалось, безоговорочно приняли объяснение, но Джесс был куда проницательнее, недаром прошел нелегкую школу улиц большого города. Правда, он постепенно стал привыкать к куда более мирной жизни, но профессиональное чутье по-прежнему оставалось острым. Обыскав взглядом окрестности, он хмуро воззрился на Слоан.

— Вечеринка вот-вот закончится, — сухо заметил он. — Мы все гадали, куда ты девалась.

При сложившихся обстоятельствах Слоан сумела лишь невнятно пробормотать:

— Я как раз шла к вам.

Джесс опустил руки и, слегка расслабившись, наконец обратил внимание на ее спутника:

— Кто это?

К облегчению Слоан, агент решил представиться сам.

— Пол Ричардсон, — объявил он, протягивая поочередно руку мужчинам и излучая сердечность и дружелюбие. — Друг Слоан из Форт-Лодердейла.

— Если собираетесь поужинать, вам лучше поторопиться, — предупредил Лео, как всегда на вечеринках неспособный думать ни о чем, кроме еды. — Чорисо уже слопали. Но сосиски с соусом чили еще остались. Это блюдо выше всех похвал.

— По правде говоря, я от усталости еле держусь на ногах, — с сожалением ответил агент и любезно предложил:

— Слоан, иди без меня, а я поеду в отель.

Слоан запаниковала. Он попросту намерен исчезнуть, не ответив на терзающие ее вопросы! Она разоблачила его, и теперь он просто смывается из Белл-Харбора, оставив ее терзаться сомнениями и неизвестностью! Нужно же узнать, зачем они к ней прицепились!

Готовая на все, лишь бы остановить Ричардсона, она, сама того не сознавая, вцепилась в его руку.

— Я хочу познакомить тебя с Питом. Мы задержимся всего на несколько минут.

— Но я только испорчу всем настроение, — пробормотал Пол, предостерегающе сузив глаза.

— Ни в коем случае. Ты такая интересная личность.

— По-моему, ты заблуждаешься.

— Вовсе нет, — запротестовала она и исключительно от безвыходности прибегла к замаскированному шантажу:

— Позвольте объяснить, насколько необычен мой новый друг...

— Не стоит утомлять их ненужными подробностями, Слоан, — многозначительно улыбнулся он. — Так и быть, пойдём познакомимся с Питом и что-нибудь съедим.

Лео моментально просиял:

— Эй, Пол, любишь анчоусы?

— Обожаю! — с энтузиазмом отозвался тот, но Слоан показалось, что он стиснул зубы.

— Значит, тебе повезло, поскольку пицца сегодня с анчоусами! В жизни не видел никого, кто любил бы анчоусы, кроме Пита и, конечно, тебя.

В продолжение всего разговора Джесс не спускал глаз с агента. Наконец он, по-видимому, потерял терпение.

— Если мы сейчас не вернемся на вечеринку, остальные отправятся на поиски.

— Пойдем, — согласно кивнул Пол, дружески обнимая Слоан за плечи. По крайней мере так казалось со стороны. На самом деле девушка едва заметно морщилась от боли: хватка оказалась поистине стальной. Очевидно, ее предупреждали быть поосторожнее. ФБР не прощает ни малейшего промаха.

Джесс, Лео и Тед зашагали рядом, и вскоре все четверо мужчин уже оживленно дискутировали на тему бейсбола. Сравнительное безлюдье дюн уступило место оживленному пляжу, где музыка, рвущаяся из десятков радиоприемников, заглушала неумолчный рокот прибоя, а одеяла, на которых лежали молодые влюбленные парочки, усеяли песок цветными заплатками.

Беседка, где Пит отмечал грядущее семейное счастье, стояла рядом с мангалом для барбекю, и запахи древесного угля, смешанные с ароматом пережаренных сосисок, вызвали у Слоан что-то похожее на приступ тошноты. Пит и его невеста вместе с остальными гостями окружили Джима Финкла, который догадался захватить с собой гитару и сейчас исполнял зажигательное фламенко.

— Ему следовало бы стать не копом, а музыкантом, — заметил со вздохом Джесс, присоединяясь к слушателям. Лео, однако, задержался.

— Поешьте что-нибудь, — наставлял он Ричардсона, гостеприимно обводя рукой деревянный стол, заставленный открытыми коробками с пиццей, большими мисками с остатками сырного соуса, чили и картофельного салата, а также блюдами с холодными сосисками на булочках. — Выпивка вон там, в переносном холодильнике, — добавил он, перед тем как отойти. — Не стесняйтесь.

— Спасибо, не буду, — кивнул Ричардсон, не снимая руки с плеча Слоан и едва ли не силой подталкивая ее к столу.

Слоан понимала, что у него есть все основания сердиться, но ведь он вроде уже успел немного успокоиться и даже пошутил насчет мужчин, увлекающихся кулинарией. Поскольку она все-таки не выдала его, то, естественно, предположила, что он больше не злится. Однако Пол, деланно улыбаясь, прошипел:

— Попробуй только язык распустить, и я мигом привлеку тебя за противодействие закону!

Неожиданный взрыв злости застал девушку врасплох, и Слоан непонимающе уставилась на него. Пол, по-прежнему скаля зубы в широкой улыбке, вручил ей тарелку и добавил:

— Усекла? Смотри у меня, заглохни и не возникай! Слоан молча кивнула, отчетливо сознавая, что это далеко не пустая угроза. Пол принялся накладывать на тарелку еду из всех мисок подряд, но Слоан заметила, что он и не притронулся к пицце. Очевидно, даже преданность долгу и стране имела свои границы, которые заканчивались как раз там, где начиналась пицца с анчоусами.

— Я вовсе не собиралась ничего им говорить, — попыталась возразить Слоан спокойным, рассудительным тоном, к которому обычно прибегала в самых неприятных ситуациях. — Но мне кажется, я заслужила объяснение И не позволю вам так просто скрыться.

— Значит, стоило подождать до завтра. Слоан обмакнула отсыревшую тортилью в соус и положила на тарелку, притворяясь, что веселится вовсю.

— Неужели? — фыркнула она. — И где бы я завтра вас нашла?

— Вы? Я сам бы вас нашел.

— С помощью бинокля? — съехидничала Слоан.

Похоже, неожиданный отпор позабавил его... Впрочем, трудно сказать: этот человек — настоящий хамелеон.

— Поверьте, я понимаю ваши чувства.

— Эй, Слоан, где ты была? — вмешался подошедший Пит. Одной рукой он обнимал свою невесту, в другой была зажата банка с пивом. Рядом возник Джесс и улыбнулся невесте Пита, Мэри Бет, стройной застенчивой хорошенькой блондинке, которая выглядела столь же

счастливой, как и ее жених, не произнося при этом ни слова.

— Солнышко, покажи им медальон, который я подарил тебе в память о последней неделе холостой жизни, — попросил Пит, как только Слоан представила их своему «другу» Полу Ричардсону. — Из чистого золота!

Пит, очевидно, крайне гордился подарком, и Мэри Бет послушно приподняла тяжелый золотой кулон-сердечко, висевший у нее на шее, чтобы все могли выразить подобающее восхищение.

— Прелестно, — пробормотала Слоан, пытаясь сосредоточиться на происходящем и боясь, что каким-то образом выдаст Ричардсона.

Агент внимательно изучал подарок, словно никогда не видел ничего подобного.

— Потрясающе! — заключил он.

— Три недели назад, — призналась ему Мэри Бет, побив личный рекорд по продолжительности разговора с незнакомцами, — Пит подарил мне золотые часики на память о последнем месяце перед свадьбой.

— Очевидно, он без ума от вас, — вставил Пол.

— Просто помешан, — ухмыльнулся Джесс, но Слоан едва его слышала, оцепенев от ужаса. Еще Минута — и Ричардсона безжалостно разоблачат, а он во всем обвинит ее, Слоан!

По берегу шествовала Сара под руку с очередным поклонником, а у Сары была идеальная память на привлекательных мужчин. Странно, она вроде не намеревалась оставаться на вечеринке допоздна, но, очевидно, передумала.

Заметив, как нервничает Слоан, агент проследил за направлением ее взгляда.

— Это моя подруга Сара, — небрежно бросила девушка.

— Вместе с очередным мужчиной недели, — саркастически заметил Джесс, поднося к губам банку с пивом. — Этот водит восьмидесятитысячный «БМВ» и одевается с иголки.

Но Слоан одолевала куда более сложные проблемы, чем взаимная нелюбовь ее ближайших друзей. Едва парочка подошла ближе, она выступила вперед.

— Привет, Сара! — воскликнула девушка, пытаясь отвлечь неминуемую беду. — Здравствуй, Джонатан. Я Слоан, а это мой приятель Пол Ричардсон из Форт-Лодердейла.

Пока мужчины обменивались рукопожатиями, Слоан безуспешно пыталась отвлечь Сару от пристального изучения лица Ричардсона.

— Слышала взрывы петард? Всем показалось, что в дюнах стреляют.

— Нет, — пробормотала Сара, всматриваясь в Ричардсона. Наконец ее недоумевающее лицо озарилось счастьем. — Я знаю, кто вы! Были вчера в парке?

— Совершенно верно.

— Я вас видела там. И даже показала на вас Слоан... При этом весьма интересном открытии Джесс Джессап опустил банку с пивом, угрожающе шагнул к Ричардсону, и Слоан бросилась спасать ситуацию.

— К сожалению, он стоял ко мне спиной, и я его не узнала, — засмеялась она. — Представляете, Пол искал меня и не нашел! Мы сумели встретиться только сегодня!

Сара от неожиданности открыла рот.

— Значит, ты знала о его приезде?

— Разумеется, пег, — растерялась Слоан. — Когда я пригласила Пола, он еще не знал, сумеет ли освободиться, и я, естественно, предположила, что все сорвалось. В последнюю минуту он все-таки вырвался и решил сделать мне сюрприз, мгновенно позабыв о странных капризах «влюбленных», Сара живо заинтересовалась финансовыми перспективами

потенциального жениха Слоан.

— Вырвался от кого? — с любопытством осведомилась она.

Но тут Пол наконец решил помочь Слоан выпутаться из невыносимого положения.

— Я работаю в страховом агентстве, — пришел он на выручку.

— Неужели?! — с деланным энтузиазмом воскликнула Сара. Подобные кандидаты-голодранцы не значились в ее списке потенциальных мужей для Слоан. — Страхование — такая перспективная область! Чем занимается ваша контора? Страхует имущество, недвижимостъ или коммерческие предприятия?

— Всем понемногу. Хотите стать пашен клиенткой? — поспешно поинтересовался он. Мастерский отвлекающий прием. Блестящая тактика. Недаром все боятся страховых агентов как огня, и Пол, очевидно, прекрасно это знал. При других обстоятельствах Слоан была бы искренне восхищена такой сообразительностью.

— Н-нет, не очень, — запинаясь, пробормотала Сара, глядя на назойливого «страховщика», как на ядовитую змею. Кажется, она смертельно опасалась, что он начнет ее уговаривать.

К невероятному облегчению Слоан, Пол все-таки смилостивился над Сарой.

— Слоан была так занята весь уик-энд, что мы даже поговорить не успели, а завтра мне уезжать, — сообщил он собравшимся. — Как насчет чашечки кофе, Слоан, прежде чем я отправлюсь в отель — Неплохая идея, — выдавила Слоан и, помахав на прощание друзьям, подхватила Пола под руку и увела. Сара долго смотрела ей вслед, прежде чем повернуться к своему спутнику:

— Джонатан, я где-то оставила свигер. Кажется, на одеяле Джима. Не принесешь? Пожалуйста!

Джонатан кивнул и удалился. Джесс, цинично улыбаясь, проводил его взглядом и снова отхлебнул пива.

— Сара, не поведаеть, почему ты встречаешься исключительно с обладателями трехсложных имен?

— Не спрашиваю же я, почему у всех твоих дам коэффициент умственного развития выражен двузначной цифрой? — отпарировала Сара, хотя без особого запала; мысли девушки до сих пор были заняты таинственным другом Слоан. — Он очень привлекателен, — заметила она вслух, задумчиво покачав головой.

Джесс пожал плечами:

— Ничего выдающегося.

— Потому что совсем не похож на стриптизерку?

— Я ему не доверяю, — настаивал Джесс, игнорируя ехидный намек.

— Да ты его в первый раз видишь.

— И Слоан тоже вряд ли хорошо его знает.

— Знает, иначе не пригласила бы сюда, — возразила преданная Сара, втайне гадая, почему Слоан никогда не упоминала ни о каком Ричардсоне.

— Удивительно еще, что ты не бежишь в свой офис, где, разумеется, хранятся досье на всех знакомых Слоан. — усмехнулся Джесс.

— Пожалуй, подожду до утра, — пробормотала Сара, стараясь не дать Джессу понять, как больно ранят его насмешки.

— Мелкая расчетливая стерва!

За всю историю их баталии Джесс никогда не опускался до прямых оскорблений. Сара

едва сдержала слезы от сознания собственной беспомощности.

— Все еще не можешь смириться с отказом? — не задумываясь, выпалила она, — А разве я тебе предлагал что-то? Не помню. И раз уж пошло на откровенность, — безжалостно отрезал он, — не объяснишь, как Слоан Рейнолдс способна водить дружбу с такой безмозглой кокеткой вроде тебя?

Сара отшатнулась, как от удара. Никогда в жизни ей не приходилось сталкиваться с такой неприкрытой злобой, если, конечно, не считать побоев и оскорбления от собственной матери. Воспоминания о детстве нахлынули с новой силой, лишив ее способности сопротивляться. Джесс ждал, что она, в свою очередь, накинется на него, найдет достойный ответ, а у нее язык примерз к зубам. Не понятно, по какой причине Сара и Джесс с самого начала невзлюбили друг друга, но она даже представить не могла, до какой степени он ее презирает! Девушка уставилась на Джесса блестящими от непролитых слез глазами, но тут же отвела взгляд и с трудом сморгнула, пытаясь найти подходящие слова.

— Прости, — выдавила она наконец и отвернулась.

— Простить? — недоумевающе повторил Джесс. — За что?

— За все, что я сделала тебе дурного. Впредь того не повторится.

В этот момент появился Джонатан и накинул свитер на плечи девушки.

— Пожалуй, пора домой, — пробормотала она. — Я немного устала.

Джесс молча смотрел, как удаляется дружная парочка.

— Дьявол! — с горечью выдохнул он наконец и, смяв пивную банку, швырнул ее в урну.

По пути домой Слоан старалась делать вид, что ничего не произошло: кивнула соседу, выгуливающему собаку, улыбнулась престарелой чете, болтавшей с приятелями в маленьком дворике. Но стоило перешагнуть порог квартиры, как девушка сурово нахмурилась.

— Почему я попала под надзор ФБР? — выпалила она, не давая Ричардсону опомниться.

— Все-таки как насчет чашечки кофе, пока я попытаюсь вразумительно объяснить вам все?

— Так и быть, — обреченно вздохнула Слоан и, немного помедлив, повела непрошеного гостя на кухню. Если он просит кофе, значит, в самом деле собирается задержаться и сказать наконец правду, а не отделяться общими фразами, чего она боялась больше всего.

Слоан подошла к раковине, налила в кофейник воды и потянулась за жестянкой с кофе, окинув мимолетным взглядом Ричардсона. Тот уже успел снять синюю ветровку и аккуратно пристраивал ее на спинку стула. Неплохо смотрится! Лет около сорока, высокий, с атлетически накачанной фигурой, короткими темными волосами, черными глазами и квадратным подбородком. Настоящий Джеймс Бонд! Правда, одет в белую тенниску, синие брюки и такого же цвета парусиновые туфли на толстой пробковой подошве, так что вполне может сойти за типичного бизнесмена средней руки... если не считать, разумеется, кобуры, из которой выглядывает рукоятка полуавтоматического «зиг-сойера» девятого калибра. И поскольку он, кажется, немного смягчился и больше не грозил ей всеми мыслимыми карами, Слоан старалась вести себя как можно вежливее и даже осмелилась ободряюще улыбнуться, безмолвно упрасывая его поскорее приступить к делу.

— Я слушаю, мистер Ричардсон.

— Две недели назад мы обнаружили, что ваш отец собирается связаться с вами, — начал Пол, присаживаясь к столу. — И собирается позвонить именно сегодня. Кстати, что он вам сказал?

Слоан неторопливо включила кофейник и оперлась бедром о столешницу.

— Неужели вам это не известно?

— Детектив Рейнолдс, мне не до глупых игр. Отвечайте! — надменно бросил фэбээровец, и этот пренебрежительный тон снова задел Слоан за живое. Она едва не вспыхнула, но какой-то глубинный инстинкт подсказывал, что если она сумеет сдержаться и не сразу выложит все козыри на стол, то вытянет из него все необходимое.

— Он пожаловался, что перенес инфаркт, и попросил приехать в Палм-Бич на несколько недель.

— И что же вы ответили?

— Я его в глаза никогда не видела. Ни разу не встречала. Поэтому отказалась наотрез. Нет, нет и нет.

Пол Ричардсон все это прекрасно знал, но его интересовали исключительно ее отношение к отцу и неподдельно-искренняя реакция на его вопросы.

— Почему вы все-таки отказались?

— Я уже ответила.

— Но ведь он пожаловался, что болен, и хочет познакомиться с вами, пока не поздно.

— Он уже опоздал на тридцать лет.

— Не слишком ли вы импульсивны? — возразил Пол. — Подумайте о наследстве.

Миллионы и миллионы! Неужели вы так легко отказываетесь от денег?

Какая трогательная убежденность в том, что баксы Картера Рейнолдса способны заставить ее изменить решение! Ну и жлоб!

Слоан брезгливо поморщилась. Что за люди! За цент готовы удавиться!

— Импульсивна? Вы чересчур поспешно судите обо мне. Когда мне было восемь, мать потеряла работу и нам пришлось почти год перебиваться на сосисках и сэндвичах с арахисовым маслом. Мама хотела позвонить Картеру и попросить денег, но я прочла все, что написано в учебнике об арахисовом масле, и доказала ей, что это самая калорийная пища на земле и я люблю его куда больше шоколада. В двенадцать я свалилась с двусторонним воспалением легких, и мама боялась, что я умру без всякой помощи. Но в больницу я лечь не могла, потому что у нас не было медицинской страховки. Мама снова решила позвонить ему в надежде, что он оплатит больничный счет, но все обошлось, и знаете почему, агент Ричардсон?

— Почему? — послушно спросил Пол, невольно тронутый неукротимой гордостью и почти сверхъестественным достоинством этой совсем не богатой девушки, — Потому что в ту же ночь мне стало лучше. И знаете, что явилось причиной молниеносного исцеления?

— Конечно, нет.

— Я стала поправляться, потому что отказалась иметь что-либо общее с этим человеком и не жалела его грязных денег.

— Понятно.

— В таком случае вы также поймете, от того мне противна сама мысль о каком-то наследстве. Я не больна, не голодаю, не бедствую. И вовсе не собираюсь мчаться в Палм-Бич, чтобы он смог успокоить свою потревоженную совесть. От меня он этого не дождется. Она открыла шкафчик и извлекла оттуда две кружки.

— И что же может заставить вас передумать?

— Чудо. Или внезапный приступ шизофрении. Пол ничего не ответил, выжидая, пока любопытство возьмет верх над обидой и неприязнью. Он посчитал, что на это уйдет несколько минут, но явно недооценил свою собеседницу.

— Это Рейнолдс вас послал? Надеется уговорить меня? Вы действуете от имени ФБР или решили немного подзаработать на стороне во время праздников?

Это предположение, хоть и совершенно не правдоподобное, показало, однако. Полу, что девушка обладает не только живым воображением, но и способностью к дедуктивному мышлению, К сожалению, эти качества отнюдь не подходили для той роли, которую он предназначил для Слоан.

— Бюро интересуется некоторыми аспектами финансовой деятельности Картера Рейнолдса, а также его деловыми партнерами, — официальным тоном ответил Пол, сочтя более разумным проигнорировать обвинения. — Совсем недавно мы получили информацию о том, что Рейнолдс замешан в незаконных операциях, но у нас недостаточно улики, чтобы доказать его непосредственное участие или хотя бы косвенное отношение к криминальным аферам.

Несмотря на полное равнодушие Слоан к отцу. Пол заметил, что девушка настороженно застыла. Он ожидал совершенно другого: злорадного удовлетворения или язвительной усмешки. Но она явно не желала верить обвинениям против родителя.

Однако Слоан довольно быстро пришла в себя и, смущенно улыбнувшись, налила кофе в кружки и поставила на стол поднос.

— Какие именно преступные операции?

— Боюсь, я не вправе сообщить вам это.

— Не понимаю, какое отношение имею к сказанному я, — пожала плечами Слоан, устраиваясь напротив. — Надеюсь, меня вы не подозреваете в пособничестве?

Она выглядела такой несправедливо оскорбленной, что походила на обиженную девчонку, и Пол, сам того не желая, усмехнулся и покачал головой:

— Нет, разумеется, нет. Мы вообще узнали о вашем существовании всего несколько недель назад. Внедрили в его окружение своего осведомителя. Он и донес о намерении Рейнолдса вернуть свою дочь. К несчастью, этот осведомитель больше не может быть нам полезен.

— Почему же?

— Он умер.

— Своей смертью? — уточнила Слоан, поддаваясь профессиональной привычке. Сейчас она совершенно забыла обо всех неприятностях и вновь стала хладнокровным детективом, заядлым колом, для которого всего важнее обличить преступника. Ричардсон едва заметно поколебался, и Слоан все поняла еще прежде, чем услышала ответ.

— Не своей.

Слоан передернуло, словно от удара. И пока она приходила в себя, Ричардсон спокойно пояснил:

— Мы следили за Рейнолдсом, но, как я уже сказал, не смогли собрать достаточно веских доказательств, чтобы убедить судью разрешить прослушивание телефонных переговоров и подsunуть «жучки» в его кабинет. Офисы его предприятий разбросаны по всему Сан-Франциско, но Рейнолдс с таким же успехом может заниматься своими темными делишками в любом другом городе, а возможно, и дома. Он осторожен и умен. Скоро Рейнолдс уезжает в Палм-Бич, и нам нужно, чтобы рядом с ним был наш человек.

— То есть я, — сокрушенно охнула Слоан.

— Ошибаетесь. Я. И попросил бы вас не позже завтрашнего дня внезапно передумать и позвонить Рейнолдсу. Скажите, что все-таки решили воспользоваться возможностью поближе познакомиться с ним и приедете в Палм-Бич.

— А при чем здесь вы?

Ричардсон с деланной наивностью поднял брови.

— Вы, естественно, захотите привезти с собой приятеля, чтобы не терзаться тоской и одиночеством в новой для вас среде. Человека, с которым могли бы проводить время, свободное от встреч с новообретенным папашей.

Слоан, возмущенная его цинизмом до глубины души, обмякла на стуле и пристально уставилась на своего мучителя.

— И этот друг, разумеется, вы?

— Разумеется.

Слоан крепко стиснула руки, но промолчала.

— Если Рейнолдс будет возражать против моего приезда, поясните, что мы давно собирались провести вместе ваш двухнедельный отпуск и что вы не намерены менять свои планы ради него. Думаю, Рейнолдс отступит. Его дом на Палм-Бич — настоящий дворец. Тридцать комнат. Еще один гость не обременит хозяев. Да и не в том он положении, чтобы диктовать вам свои условия.

Слоан почувствовала невероятную слабость.

— Мне нужно хорошенько все обдумать.

— Можете дать ответ завтра, — неохотно согласился Пол и, глотнув обжигающего кофе, посмотрел на часы и встал. — Пора возвращаться в отель. Я жду звонка, — сообщил он, потянувшись за курткой. — Вернусь утром. В первой половине дня вы свободны, значит, хватит времени выдумать правдоподобную сказочку, которая удовлетворит всех любопытных не только здесь, но и в Палм-Бич. Попрошу вас не разглашать нашей беседы. И особенно будьте осторожны с Сарой Гиббон, Роем Интерсоллом и Джессапом.

Странно, что в список ее друзей он включил капитана! Слоан уже хотела спросить, чем вызван столь непонятный отбор, но тут Пол добавил:

— Ваша матушка тоже не должна ничего знать. Слоан отчего-то сразу стало легче.

— Поверьте, я не зря требую соблюдения абсолютной секретности, — пояснил агент. — Никому нельзя доверять, ни здесь, ни в Палм-Бич. Не представляете, насколько рискованная сложилась ситуация. Слишком многое поставлено на карту.

— Насколько мне помнится, я еще не давала своего согласия на поездку, — решительно возразила Слоан. — И кроме того, вряд ли стоит завтра приезжать ко мне. Сару распирает от любопытства, а мама попытается уговорить меня поехать в Палм-Бич, хотя я оставила на автоответчике сообщение, что не сделаю этого ни за что на свете. Обе наверняка примчатся ко мне чуть свет.

— В таком случае где бы мы могли поговорить?

— Как насчет того местечка, где мы сегодня встретились? В дюнах?

Пол молча натянул куртку, не сводя глаз с девушки. Всего за несколько часов она сумела показать себя с совершенно неожиданной стороны: спокойно и вполне профессионально справилась с человеком, которого посчитала вооруженным грабителем, успела свыкнуться с мыслью о том, что придется выдавать этого самого «грабителя» за своего друга, и пять минут назад согласилась помириться с отцом, которого ненавидела. Несмотря на хрупкую фигурку и изящное личико, она оказалась не только умной и хладнокровной, но и сообразительной. Правда, долгий тяжелый день, очевидно, сильно ее утомил. Она выглядела настолько измученной, что сердце Пола неожиданно сжалось. Он не привык испытывать угрызения совести, но сейчас отчего-то мучился сознанием собственной вины за то, что умудрился притушить горевший в ней огонек неизменной доброжелательности, тепла и сострадания к людям.

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы немного развеять мрачные тучи и снять груз с ее души.

— Надеюсь, на этот раз вы обойдетесь со мной помягче? — сухо осведомился он.

— А вы снова собираетесь напасть на меня? — отпарировала Слоан, пытаясь улыбнуться.

— Ни на кого я не нападаю: просто споткнулся.

— Моя версия мне больше нравится, — дерзко заявила она, и Пол, несмотря на все тревоги, рассмеялся.

Однако, закрывая за собой калитку, он снова озабоченно нахмурился. Подумать только, сколько проблем предстоит ему решить в Палм-Бич! С самого начала он отказывался использовать Слоан в качестве подсадной утки. Слишком много Пол успел перевидать неопытных, неумелых, ленивых и коррумпированных копов из провинциальных городков, чтобы не испытывать к ним инстинктивного недоверия, но вот факт, что именно ЭТА девчонка оказалась неподкупной, честной и преданной делу юной идеалисткой, больше

похожей на капитана студенческой команды болельщиков, тоже отнюдь не радовал.

Он ничуть не беспокоился, что она не согласится ехать с ним в Палм-Бич. Судя по его личным наблюдениям и всему, что он вычитал в досье Слоан Рейнолдс, отказа ожидать не приходится. Те же упорство и цельность натуры, заставившие ее предпочесть диету из арахисового масла просьбам о деньгах, вынудят ее проглотить гордость, пожертвовать твердыми моральными принципами и отправиться с ним в Палм-Бич.

Мотель «Оушн Вью» вопреки своему названию вовсе не предоставлял своим постояльцам роскошный вид на океанскую гладь и, если не считать чаек, бродивших по крыше, вообще не имел никакого отношения к водным просторам. Зато здесь имелись плавательный бассейн, кабельное телевидение и ресторан, открытый до двух часов ночи. Когда Пол в первом часу вошел в вестибюль, веселье было в полном разгаре.

Телевизор, установленный в вестибюле, был настроен на канал Си-эн-эн, правда, голос диктора заглушался разухабистой музыкой, несущейся из музыкального автомата в ресторане, где вовсе не желавшие танцевать поздние клиенты накачивались у стойки бара. Пол вышел в другую дверь и очутился у бассейна, где несколько подростков играли в волейбол, обмениваясь добродушными непристойностями. Уже подходя к своему номеру, Пол услышал, как внутри разрывается телефон. Действуя скорее по давно выработанной привычке, чем по необходимости, Пол не взял трубку, пока не закрыл двери, не проверил, заперты ли замки, и не спустил шторы. Только потом он шагнул к постели, придвинул к себе сотовый аппарат и слегка улыбнулся, услышав голос своего давнего приятеля, агента-напарника, с которым приехал в Белл-Харбор.

— Итак? — осведомился тот с живейшим интересом. — Я видел ваг вместе на вечеринке. Она согласилась сотрудничать?

— Согласится, — заверил Пол и, не выпуская трубки, включил кондиционер на полную мощность. Запах плесени и сырости ударил в нос.

— Но я считал, что ты не собираешься говорить с ней раньше завтрашнего утра.

— А потом передумал.

— Когда именно?

— Вероятно, в ту минуту, как только она возникла за моей спиной и сбила с ног. Нет... скорее, сразу после этого, едва навела на меня «глок» девятого калибра.

— Значит, она тебя сделала? — ехидно фыркнул приятель. — Ты, должно быть, шутишь!

— Вовсе нет, и если питаешь хоть слабую надежду на продолжение нашей дружбы, никогда больше не упоминаешь об этом в моем присутствии, — проворчал Пол, улыбаясь, однако, при мысли о неслыханных унижениях, которые ему пришлось сегодня претерпеть от наивной, неопытной женщины-полицейского, весившей к тому же чуть больше пятидесяти килограммов.

— Я сегодня слышал какие-то выстрелы. При всех знаках отличия за стрельбу, заработанных ею в полицейской академии, удивительно, как это она не задела тебя.

— Она стреляла в воздух. Схватив на людном пляже того, кто, по ее мнению, был вооруженным грабителем, она вспомнила, что ее коллеги веселятся всего в трехстах ярдах от дюн. Поэтому, вместо того чтобы обезоружить меня в одиночку, она побоялась подвергать риску жизни случайных прохожих и выстрелами позвала на помощь. Довольно остроумно, не находишь? Умна, ловка, осторожна и благоразумна, ничего не скажешь!

Он прислонил подушку к изголовью и, растянувшись на постели, добавил:

— К тому времени, как прибыло подкрепление, она уже знала, кто я, мгновенно сообразила, что делать, и прекрасно сыграла навязанную ей роль. Учитывая все обстоятельства, девочка прекрасно себя показала.

— Похоже, она само совершенство и как нельзя лучше подходит для нашей работенки.

Пол устроился поудобнее и закрыл глаза, пытаясь побороть одолевавшие сомнения.

— Я бы не стал столь поспешно это утверждать, — Боишься, что, как только она окажется во дворце Рейнолдса, среди богатства и роскоши, немедленно поддастся искушению перебежать на сторону своего папаши?

— После сегодняшнего разговора с ней я сказал бы, что это вряд ли вероятно.

— В чем тогда проблема? По твоим же словам, она умна, мгновенно приспосабливается к обстоятельствам и стреляет лучше тебя, — съязвил приятель, но, поняв, что Пол не принял вызова, весело заметил:

— Надеюсь, ты не поставишь в упрек девочке милое личико и стройные ножки?

Молчание, последовавшее за этой неосторожной репликой, показалось ему настолько красноречивым, что он мгновенно сменил тон.

— Пол, мы уверены, что она не берет взяток и впредь не собирается. Кроме того, ты обнаружил в ней кучу добродетелей. Что же тебя беспокоит, черт возьми?

— Видишь ли, она типичная герл-скаут. И стала копом лишь из желания помогать людям. Она снимает с деревьев воздушные змеи, разыскивает сбежавших собак, забывает смениться с дежурства лишь потому, что бежит утешать старую испанку, чей дом сгорел дотла. И соглашается жить целый год на арахисовом масле, лишь бы не обращаться к отцу с просьбами о деньгах. Настоящая идеалистка, до мозга костей, и именно это не дает мне покоя. — Прошу прощения, не понял...

— Надеюсь, ты понимаешь, что такое идеалист?

— Да. Но хотел бы услышать твое определение, поскольку еще десять секунд назад считал идеализм редчайшей добродетелью.

— Возможно, но в данном случае это далеко не преимущество. У идеалистов есть весьма странная привычка решать самим, что есть хорошо, а что плохо, они прислушиваются лишь к собственному внутреннему голосу и выносят приговор согласно своему суждению. В любой ситуации идеалист напоминает мне гранату с выдернутой чекой, но в этой невероятно сложной операции наивный идеалист вроде Слоан Рейнолдс превращается в настоящую ядерную боеголовку, — Из этого поучительного экскурса в философию я делаю единственный вывод: ты опасаясь, что она не позволит манипулировать собой?

— Именно.

Сара распрощалась с Джонатаном у крыльца и поспешила под душ, пытаясь растопить вонзившиеся в сердце ледяные стрелы издевок Джесса. Почему они почти с первой встречи так невзлюбили друг друга? Обычно он нападал. — она защищалась. Но сегодня Джесс зашел слишком далеко и был непростительно груб. И что всего хуже, в его словах была доля правды, что ранило еще сильнее.

Она уже вытирала волосы, когда в дверь позвонили. Девушка недоумевающе подняла брови и, накинув длинный халат, осторожно подкралась к окну гостиной и выглянула во двор. У обочины была припаркована патрульная машина Должно быть. Пит окончательно разгулялся и решил продол жить праздник у нее! Значит, скоро придут и остальные.

Сара, устало улыбнувшись, пошла открывать. Но стоило ей распахнуть дверь, и улыбка как по волшебству исчезла. На пороге стоял Джесс Джессап. Темные волосы спутаны так, словно он досадливо их взъерошил... или скорее какая-нибудь очередная поклонница после ухода Сары не устояла перед искушением запустить в них пальцы. Правда, судя по мрачной физиономии Джесса, знаки внимания не были приняты благосклонно.

Стараясь говорить как можно холоднее, Сара пренебрежительно бросила:

— Если ты здесь не по делу, проваливай и больше никогда не возвращайся. Исключительно ради Слоан обещаю быть вежливой с тобой в ее присутствии. Но с глазу на глаз вовсе не обязана распинаться перед каждым... Короче говоря, держись от меня подальше.

Ей хотелось швырнуть ему в лицо самые едкие оскорбления, но, к собственному смущению, она почувствовала, что вот-вот заплачет, и плотно сжала губы, рассердившись на себя еще больше. Брови Джесса угрожающе сошлись.

— Я приехал извиниться за все, что наговорил сегодня, — буркнул он. Как-то не похоже, чтобы он оправдывался!

— Превосходно, — процедила Сара. — Ты извинился, но для меня это особого значения не имеет. И мое мнение о тебе не изменилось.

Она попыталась захлопнуть дверь, но Джесс вовремя подставил ногу.

— Ну что тебе еще? — теряя терпение, воскликнула она.

— Я только что понял, что явился сюда не извиняться, — выпалил Джесс, и не успела Сара опомниться, как он поймал ее за плечи и притянул к себе.

— Убери руки! — вскрикнула она, но его губы уже завладели ее губами в безжалостно-крепком поцелуе. Шок, ярость и постыдно-жгучее наслаждение заставили сердце Сары бешено заколотиться, но она даже не пошевелилась, не желая доставлять своему врагу удовольствие яростным сопротивлением.

И едва он разжал руки, как Сара отпрянула, пытаясь нащарить дверную ручку.

— А что, именно грубое насилие заводит тех метелок, с которыми ты спишь? — прошипела она и, прежде чем Джесс успел ответить, резко захлопнула дверь перед его носом и обессиленно прислонилась к косяку, боясь двинуться с места, пока не услышала шум отъезжающей машины. Слезы почему-то высохли, и теперь девушка сухими, горящими бешенством глазами оглядывала с такой любовью выбранные предметы обстановки: прелестную фарфоровую вазу, антикварную табуреточку для ног, маленький столик в стиле Людовика XIV. Любимые, дорогие вещи, подлинники, прекрасные символы прекрасной жизни, которую она желала для себя и своих будущих детей.

Уже в сумерках Картер Рейнолдс, удобно устроившись в своем домашнем кабинете, повесил трубку и повернулся к огромному круглому окну. Перед ним расстилалась панорама Сан-Франциско, окутанная легким туманом, таинственная, волнующая, прекрасная. Через две недели придется сменить все это на вечноголубые безмятежные небеса Палм-Бич — паломничество, ставшее давней традицией многих поколений его семейства, традицией, которую его бабка ни при каких условиях не позволит нарушить.

За последние несколько лет эти ежегодные поездки в Палм-Бич становились для него все более невыносимо тоскливыми, казались назойливым вмешательством в его жизнь, но после этого телефонного звонка будущее неожиданно засверкало новыми гранями.

Картер просидел в кабинете еще около часа, со своей обычной тщательностью обдумывая все возможные варианты и повороты событий, и наконец нажал кнопку внутреннего переговорного устройства.

— Где миссис Рейнолдс? — спросил он у слуги.

— По-моему, отдыхает в своей комнате перед ужином, сэр.

— А моя дочь?

— Читает книгу миссис Рейнолдс.

Довольный, что может застать сразу обеих женщин, Картер встал и направился на третий этаж, отведенный, по решению семейного архитектора, под хозяйские покои сорок лет назад. Презрев такое удобство, как лифт. Картер поднялся по широкой лестнице с затейливо изогнутыми перилами из кованого железа, повернул направо, прошел по коридору, обитому панелями и увешанному портретами в тяжелых резных рамах, с которых строго смотрели на него предки.

— Я рад, что вы вдвоем, — приветствовал он Парис, открывшую дверь, и приветливо улыбнулся, стараясь не показать, что задыхается в этой мрачной комнате с постоянно задернутыми темно-бордовыми шторами, не пропускавшими света, пропитанными назойливым сладким запахом лаванды. Едва заметно поморщившись, он обнял Парис за плечи и кивнул бабке, сидевшей в барочном кресле у камина. Господи, да Эдит Рейнолдс не берут ни годы, ни болезни! Белые как снег волосы убраны в строгий узел, высокий ворот серого платья заколот большой филигранной брошью с рубинами. Настоящая светская дама эпохи Регентства! Английская герцогиня!

— Что тебе, Картер? — повелительно бросила она. — Говори, да поскорее! Парис остановилась на самом интересном месте.

— У меня для вас потрясающая новость! — объявил он, учтиво дождавшись, пока дочь усядется. — Мне только что звонила Слоан. Она неожиданно передумала и решила приехать к нам в Палм-Бич на две недели.

Бабка облегченно вздохнула, но Парис сорвалась с места и подлетела к нему.

— Молодец, — похвалила Эдит, — царственно наклонив голову и слегка растягивая губы в гримасе, которая при очень живом воображении могла бы сойти за улыбку. Но Парис неприязненно косилась на отца, совсем как чистокровная кобылка, готовая взбрыкнуть и ускакать прочь при малейшем движении жокея.

— Ты... как ты можешь спокойно заявляться сюда и как ни в чем не бывало извещать меня обо всем в самую последнюю минуту, словно свою служанку! Я думала, что она не

приедет. Это несправедливо. Я вовсе не обязана с ней нянчиться. И не поеду ни в какой Палм-Бич.

— Парис, не мели вздор. Разумеется, ты едешь с нами, — вежливым, но не допускающим ни малейших возражений тоном изрек он слова, обладающие, по-видимому, силой и властью приговора. — И пока мы еще здесь, я хотел бы, чтобы ты проводила побольше времени с Ноем. Вряд ли тебе удастся выйти замуж за человека, которого ты всячески стараешься избегать. Он просто не подумает обратить на тебя внимание.

— Я вовсе не избегаю Ноя, просто его здесь не было.

Он ездил в Европу, как тебе хорошо известно.

— Но непременно явится в Палм-Бич. И пока мы будем там, можешь заодно наверстать потерянное время, чтобы наконец окрутить его и раз и навсегда покончить с этим.

Кортни Мейтленд, сидя на подлокотнике кресла, неодобрительно наблюдала, как брат складывает бесчисленные папки в два дипломата.

— Не успел примчаться из Европы, как снова линияешь, — проворчала она. — За целый год и двух месяцев дома не пробыл.

Ной на секунду оторвался от сборов, чтобы бросить взгляд на пятнадцатилетнюю девушку в узкой черной юбке «стретч», едва прикрывавшей бедра, и ярко-розовом топе. В этом наряде Кортни выглядела несносной хорошенькой избалованной девчонкой с сомнительным вкусом. Что же, по мнению Ноя, первое впечатление отнюдь не было обманчивым.

— Где ты покупаешь все эти дешевые тряпки? — брезгливо морщась, осведомился он.

— Черта с два! Это последний писк! Конечно, такой старик, как ты, понятия не имеет, что носит молодежь!

Самый крутой прикид!

— Тыходишь на панельную девку.

Кортни предпочла пропустить нелестное замечание мимо ушей.

— И сколько же ваше высочество на этот раз собирается пробыть в отъезде?

— Полтора месяца.

— Бизнес или развлечения?

— Всего понемногу.

— Именно так ты характеризовал поездку в Парагвай, когда брал меня с собой, — напомнила она, картинно вздрогнув. — Дождь лил как из ведра, не переставая, а твои так называемые приятели повсюду таскали с собой автоматы:

— Не правда. Автоматы были у их телохранителей.

— А у твоих партнеров — пистолеты. У меня глаза зоркие! Не обманешь!

— Тебе все привиделось.

— Ладно, ты у нас святой, а я все наврала. Это был не Парагвай. Перу. Там твои дружки уж точно были вооружены до зубов. Я все тряслась, думала, что начнется пальба.

— Теперь я наконец вспомнил, почему перестал брать тебя в деловые поездки. Ты как заноза в заднице.

— Просто я умная и наблюдательная! Листок бумаги слетел со стола, и Кортни едва успела его подхватить и протянуть брату.

— Это все одно, — буркнул он и, наспех просмотрев документ, сунул его в портфель. — Так уж и быть, скажу. На этот раз я еду не в Южную Америку, а в Палм-Бич. Помнишь, такой

курортный городок? У нас еще там дом. Каждый год мы ездим туда на твои зимние каникулы. Твой отец там живет. И завтра мы с тобой тоже окажемся в уютном родовом гнездышке.

— Ни за что! Папа целыми днями станет торчать на поле для гольфа. Ты же либо запрешься в кабинете и будешь висеть на телефоне, либо удерешь на «Призрак» и там, посреди океана, снова начнешь вести нескончаемые переговоры. Надоело!

— Судя по твоему описанию, я просто унылый серый длинноухий осел, скучный, как осенний день.

— Ты и есть...

Ной повернул голову, и при виде его неуловимо изменившегося лица Кортни поспешно осеклась.

— Я всего лишь хотела сказать, что у тебя ужасно однообразная жизнь. Работа, работа, работа... никаких развлечений.

— Живейший контраст твоему собственному времяпрепровождению. Неудивительно, что я кажусь тебе таким занудой.

— И какой же счастливнице выпадет честь стать объектом вашего мимолетного внимания, сэр?

— По-моему, ты напрашиваешься на трепку.

— Опоздал! Я уже слишком взрослая! Кроме того, ты мне не отец и уж тем более не мать.

— Поверь, осознание этого факта вновь и вновь поддерживает во мне огонь веры в Господа нашего.

Девочка благоразумно решила сменить скользкую тему:

— Вчера я видела Парис. В «Саксе» на Пятой авеню. Они тоже едут в Палм-Бич. Знаешь, Ной, если не поостережешься, то в одно прекрасное утро проснешься рядом с ней в постели и с обручальным кольцом на пальце.

Ной швырнул в портфель золотые авторучку и карандаш и, щелкнув замками, набрал код.

— Это будет самым коротким браком в истории человечества.

— Тебе не нравится Парис?

— Нравится.

— Почему же ты не женишься?

— Во-первых, она слишком молода для меня.

— Верно! Тебе уже за сорок. Старик! И здорово сдал за последнее время. Совсем не тот, что прежде!

— Все стараешься побольнее уколоть?

— Вовсе нет, просто у меня ярко выраженное чувство юмора. А когда Парис тоже завянет, ты на ней женишься?

— Нет.

— Почему?

— Не лезь не в свое дело.

— Как это? Все, что касается тебя, — мое дело. Только мое, — горячо запротестовала девочка. — Все эти годы именно ты заменял мне родителей. Ближе тебя у меня никого не было.

Ах, маленькая хитрюга! Пытается к нему подлизаться!

Ной прекрасно это понимал и все же ничего не ответил, решив сберечь силы для предстоящей битвы с сестрой по поводу отъезда в Палм-Бич. Отец подумывает о том, чтобы окончательно переселиться туда и записать Кортни в тамошнюю школу, но у Ноя нет ни малейшего желания участвовать в войне, которая, несомненно, разразится, когда сестре станет известно о волевом решении Дугласа.

— Значит, ты вообще не собираешься жениться?

— Не собираюсь.

— Отчего это вдруг?

— Потому что мы это уже проходили. Надоело.

— Джорданна сумела-таки настроить тебя против семейной жизни? Парис считает, что из-за нее ты возненавидел всех женщин.

Ной на секунду отвлекся от бумаг и нахмурился.

— Она так сказала? — небрежно бросил он.

— Просто Парис и не догадывается, сколько телок гостили у тебя на яхте или прибегали в отель, где мы останавливались, но я-то все подмечаю. Она воображает, что ты — раненный в самое сердце благородный, целомудренный рыцарь.

— Прекрасно. Пусть и дальше так думает.

— Слишком поздно. Прости, но я не могла и дальше держать ее в заблуждении и все рассказала. Выложила, можно сказать, всю жуткую правду.

В продолжение всей тирады Ной поспешно писал записку своему помощнику и даже не подумал поднять глаза.

— Я беру тебя с собой в Палм-Бич.

— Не выйдет! Отвали!

Ной отбросил перо и пронзил сестру таким суровым взглядом, что та мгновенно съежилась.

— Хочешь закатить сцену? Попробуй только, — мягко предупредил он. — И начинай собираться.

— Черта с два!

— Прекрасно. Значит, поедешь в этом отвратительном тряпье, что на тебе сейчас. Решай, что лучше.

— На пушку берешь!

— Ни в коем случае. После всех многолетних стычек ты, кажется, должна была узнать меня получше.

— Господи, как же я тебя ненавижу, братец!

— Поверь, мне в высшей степени плевать на твои чувства. А теперь иди укладываться. Завтра утром встретимся в холле.

Девочка соскользнула с кресла, глядя на своего мучителя полными слез глазами. Но все было напрасно. Ноя ничем не проймешь.

Занятая невеселыми мыслями о предстоящем визите в Палм-Бич, Слоан даже не заметила сзади патрульную машину Джесса, пока тот уже в миле от ее дома не включил аварийную сигнализацию. Испуганная яркими вспышками света, девушка посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, как друг машет ей, высунувшись из окна.

— Желаю приятно провести отпуск! — крикнул он вслед Слоан в громкоговоритель.

У калитки уже были припаркованы автомобили Сары и Кимберли. Во дворе суетился Пол Ричардсон, укладывая вещи в багажник ярко-синей машины-купе, которую, вероятно, взял напрокат на время поездки.

Прошло уже две недели, с тех пор как Слоан согласилась выполнить его задание, и за все это время она ни разу его не видела. Правда, в самый первый день Пол все-таки согласился пообедать с ней и Кимберли и из кожи вон лез, чтобы убедить мать Слоан в своих романтических чувствах к ее дочери. Ему и сейчас приходилось нелегко. Попробуй разместить гору чемоданов в весьма ограниченном пространстве! Наконец агент сдался, вытащил из багажника свою объемистую сумку и открыл дверцу машины.

— Нужна помощь? — осведомилась Слоан, сочувственно наблюдая, как он пытается пропихнуть свою ношу на заднее сиденье.

— Боюсь, здесь понадобится подъемный кран, — криво ухмыльнулся Пол.

— Через пять минут буду готова, — пообещала Слоан.

Поскольку у нее самой было всего два небольших чемоданчика, она, естественно, предположила, что либо багажник слишком мал, либо агент Ричардсон — настоящий щеголь, который повсюду возит за собой обширный гардероб. Но в любом случае ее мало интересовали его чемоданы и их содержимое. Она и без того была сыта разговорами об одежде. Едва мать и Сара узнали, что Слоан согласилась ехать в Палм-Бич, начались бесконечные споры о количестве и стоимости нарядов, Слоан терпеть не могла тратить деньги на одежду и в отличие от матери и лучшей подруги не считала это путешествие поводом менять свою манеру одеваться. Разумеется, никто не знал о том, что она собирается шпионить за отцом, и обе женщины возлагали большие надежды на поездку Слоан. Правда, к ее величайшему раздражению, их воображения хватало ровно на то, чтобы представлять, в чем именно предстанет Слоан перед своими родственниками. Девушка просто не знала, куда деваться от их излияний!

— Картер будет ослеплен, — восторженно восклицала Кимберли, — когда увидит тебя в черном платье-мини с бисером, которое висит в витрине «Фейлен». Немедленно покупаю его для тебя!

В отличие от нее Сара не хотела и думать о Картере.

При чем тут какой-то отец?

— Так и вижу тебя в Поло-клубе Палм-Бич, — мечтательно шептала она, — в моем красном полотняном платье... и тут входит мистер Само Совершенство... высокий, красивый, богатый...

— Немедленно замолчите обе, — твердо остановила их Слоан, — Ма, ты не истратишь на меня ни единого доллара. Если увижу хотя бы одно новое платье, немедленно верну в магазин, даже не померив. Сара, спасибо за предложение, но я отказываюсь служить вешалкой для одежды лишь затем, чтобы произвести впечатление на Картера Рейнолдса.

— Ладно, но как насчет того, чтобы произвести впечатление на мистера Совершенство?

— Это для тебя он совершенство, а при чем тут я? — добродушно усмехнулась Слоан. —

Кроме того, со мной едет Пол, забыла?

— Да, но ты с ним не помолвлена и не давала никаких обещаний. Так что совсем не мешает сначала хорошенько оглядеться, а мое красное платье-рубашка неизменно производит неотразимое впечатление на мужчин. Кокетливое, но не вызывающее и...

— Пожалуйста, умоляю, не начинай все сначала! — с отчаянием прошептала Слоан, затыкая уши в тщетной попытке избежать очередной лекции о последних модах. — Давай договоримся: я согласна не торопиться с выбором жениха, если ты перестанешь трещать о тряпках.

И чтобы положить конец бессмысленной, с ее точки зрения, дискуссии, встала и решительно объявила, что идет спать.

Но в последние дни споры не только не утихли, а вспыхивали с еще большей силой даже в отсутствие Слоан. И с каждым часом Кимберли и Сара становились все настойчивее, так что Слоан уже побаивалась встречаться с ними из опасения, что вот-вот появится очередная новая шмотка.

Наконец пришла пора прощаться. Слоан обняла мать и подругу, те пожелали ей хорошо провести время и встали на крыльце, ожидая, пока отъедет машина.

— Она будет потрясающе смотреться в черном платье с бисером, — уверенно предсказала Кимберли, наблюдая, как Пол Ричардсон усаживает в машину ее дочь. — Чудесный новый гардероб для новой сказочной жизни, где о ней будут заботиться отец и мистер Ричардсон...

— А в моем красном полотняном платье она затмит всех тамошних расфуфыренных метелок, — добавила Сара с нервным смешком.

Мотор взревел, и женщины принялись энергично махать отъезжающим.

— Так мило со стороны Пола согласиться спрятать эти два чемодана, — заметила Кимберли.

— Еще бы! — кивнула Сара с нерешительной улыбкой. — Но мне почему-то их роман кажется слишком уж внезапным. Жаль, что Слоан не успела узнать его получше.

— Ничего страшного! — беспечно объявила Кимберли потрясенной девушке. — Она и без того чересчур серьезно относится ко всему в жизни, включая мужчин. Говоря по правде, я давно мечтала, чтобы моя дочь была хотя бы немного более... более легкомысленной!

Сокрушенно покачав головой, Сара сжала руку женщины, которую любила куда сильнее собственной матери.

— По-моему, твое желание только что исполнилось, ма. Так что можешь успокоиться,

Они провели в дороге вот уже два часа, и Пол время от времени встревоженно поглядывал на молчаливую спутницу. Слоан сидела не шевелясь, неестественно прямо; лицо внешне спокойное, но с каждой новой милей он чувствовал, как девушку охватывают тоска и отчаяние, как усиливается ее напряжение, и снова ощутил непривычный укол совести за собственное лицемерие. На что ему приходится толкать девчонку!

Опасаясь, что она каким-то образом пронюхает его истинные намерения и откажется сопровождать его в Палм-Бич, Пол старался не показываться ей на глаза и после праздников всего однажды поговорил по телефону. Слоан немедленно воспользовалась этим, чтобы засыпать его вопросами об отце и сестре, но он уговорил ее подождать до отъезда. Сейчас Пол был готов объяснить ей все что можно, торопясь укрепить в ней решимость и облегчить предстоящую задачу, но теперь она, казалось, растеряла все слова и боялась даже встретиться с ним глазами.

Ричардсон тщетно пытался выдать что-то ободряющее, убедить, что все каким-то образом обойдется. Но как это сделать? Будь Слоан обычной средней женщиной, которой предстоит встреча с отцом и сестрой, она могла бы по крайней мере надеяться на пробуждение родственных чувств, которые помогут ей освоиться в новой, непривычной для нее среде. Но о какой любви, и будущей семейной идиллии может идти речь? Ей пришлось поступиться гордостью из чувства долга и согласиться на позорную роль соглядатая. И несмотря на то что возможность счастливого завершения этой невеселой истории сводилась почти к нулю. Пол постарался додумать этот самый «хеппи-энд», отчасти чтобы отделаться от сознания собственной вины и заодно немного поднять настроение Слоан. В конце концов, пусть его вариант рождественской сказки кому-то покажется чересчур сентиментальным, но теоретически вполне может оказаться так, что Картер Рейнолдс не замешан в преступных делишках и искренне привяжется к дочери, и все у них будет хорошо.

Постаравшись отбросить свои сомнения по поводу столь блестящего финала, Пол нерешительно заметил:

— Поверьте, Слоан, вполне вероятно, что эта поездка будет иметь самые благоприятные последствия для всей вашей семьи, хоть пока вы явно так не считаете.

Девушка, до того пристально смотревшая в ветровое стекло, молча повернулась и бросила внимательный взгляд на Пола. Тот, посчитав это чем-то вроде согласия, продолжил разговор, поспешив добавить:

— Видите ли, пока ваш отец всего лишь подозреваемый. Вы можете мне лучше узнать его и некоторые факты его деятельности. Не исключено, что, как только расследование будет закончено. Картер окажется ни в чем не виновным.

— И каковы, по-вашему, шансы на подобный исход?

Пол поколебался. Он просто не имеет права обращаться с ней как с наивной дурочкой и беззастенчиво обманывать ее доверие. Для этого Слоан слишком умна и порядочна.

— Не очень велики, — честно ответил он, — но всегда стоит надеяться на лучшее. Теперь рассмотрим ситуацию с вашей точки зрения. Я ничуть не сомневаюсь, что отцом Картер был никудышным, но согласитесь, что он все-таки пожалел об этом, иначе не позвонил бы вам. Мы понятия не имеем, чем вызван такой внезапный приступ родительской любви. Более того, мы не сумеем точно сказать, что именно положило конец браку ваших

родителей, но если верить Кимберли, всему причиной матушка Картера, которая к тому же хитростью увезла вашу сестру. Ведь именно она примчалась во Флориду за сыном, после того как ее мужа хватил удар, не так ли?

— Да. Но он и не подумал протестовать. Сразу заглотал наживку, бросил все и слинял.

— Верно, но в то время ему не было и тридцати. В таком возрасте мужчины часто проявляют душевную слабость и незрелость ума. А иногда попросту трусость. И кто знает, возможно, мать убедила его в необходимости исполнить священный долг перед семьей. Такое случается, но вряд ли подобные недостатки можно считать непростительным преступлением. Заметьте, она умерла три месяца назад и он почти сразу же позвонил вам и попросил прощения.

Слоан поняла, что Пол искренне пытается ей помочь, по легче почему-то не становилось. Ее переполняли странные эмоции, которым она никак не могла подобрать названия. Ей хотелось попросить Пола замолчать, но присущая ей справедливость, а может, и обыкновенное любопытство побуждали идти все дальше.

— А как насчет моей сестрицы? Сумеете найти оправдание человеку, ни разу не попытавшемуся поговорить с собственной матерью?

— В каждом деле есть две стороны медали, — покачал головой Пол. — А что, если она страдает, потому что мать ни разу не попыталась позвонить ей?

— Они вынудили маму подписать условия бракоразводного соглашения, по которому ей было запрещено видеться и говорить со старшей дочерью.

— Вам не приходило в голову, что Парис может и не знать этого?

Слоан ошеломленно воззрилась на него, тщетно пытаясь погасить теплящийся огонек надежды на обретение давно потерянной сестры.

— Вы сказали, что имели осведомителя в доме Рейнолдсов. Он точно это знал?

— Видите ли, Парис никогда нас особенно не интересовала. Большинство знакомых считают ее сухой, сдержанной и холодной, но все признают, что при этом она, несомненно, безупречно воспитана и элегантна. И разумеется, красива. Прекрасно играет в теннис, гольф и бридж. Обычно выступает в турнирах в паре с вашим отцом, который также завоевал немало призов в этих видах спорта. Я уже не говорю, что в бридже ему нет равных.

Слоан равнодушно пожала плечами. Более бессмысленное, по ее мнению, занятие, чем бридж, трудно было найти.

— Кроме того, — добавил Пол, — вам придется познакомиться с главной достопримечательностью — Элит Рейнолдс. Она тоже приедет в Палм-Бич.

— Эдит? — недоуменно повторила Слоан.

— Ваша прабабка с отцовской стороны. — пояснил Пол. — Девяностопятилетняя ведьма. Вспыльчивая, непредсказуемая и до отвращения властная, никому не дающая спуска и готовая уничтожить всякого, кто станет ей поперек дороги. Кроме того, она еще и невероятная сквалыга. Имея состояние в пятьдесят миллионов, впадает в истерику, если кто-то зажжет в комнате лишнюю лампу.

— Прелестная особа, ничего не скажешь, — сухо заметила Слоан, пытаясь подавить неприятное воспоминание о собственной скупости. Только на прошлой неделе Сара обозвала ее скрягой, а Кимберли вечно жаловалась, что дочь боится расстаться хотя бы с центом! Но и подруга, и мать — настоящие мотовки. Ей же приходится экономить на всем, потому что воспоминания о тяжелом детстве были слишком свежи и жалованье полицейского почти не давало возможности делать сбережения. Будь у нее состояние, она

трагично бы не задумываясь... ну возможно, откладывала бы что-то...

Довольный, что сумел немного успокоить девушку, Пол на время замолчал, но, приближаясь к Палм-Бич, понял, что настало время вернуть ее к невеселой реальности. После всех рассуждений на тему о возможных добродетелях ее семейства не мешало напомнить, что отец, вероятно, скоро окажется в тюрьме, причем не без помощи младшей дочери.

— Дом вашего отца приблизительно в десяти минутах езды отсюда, — сообщил он. — События могут развиваться по самому благополучному сценарию, но нужно рассмотреть и самый худший вариант. Слоан порывисто обернулась к нему.

— Ладно, валяйте.

— Скажем вашим родственникам, что мы встретились в Форт-Лодердейле пять месяцев назад на семинаре по страхованию, — напомнил он. — Имя моего отца Клиффорд, мать зовут Джоан. Она умерла несколько лет назад. Я был единственным ребенком, вырос в Чикаго и закончил Университет Лойолы. По-прежнему живу в Чикаго и работаю в компании «Уорлдуайд андеррайтере инкорпорейтед». До сих пор мы не могли проводить много времени вместе, потому что живем слишком далеко друг от друга, и именно потому нам так важны эти две недели.

Пол включил указатель поворота и перестроился в крайний ряд, готовясь к въезду в Палм-Бич.

— Пока вам все ясно?

Слоан кивнула. Они уже обсуждали все это, но теперь в ней отчего-то пробудилось любопытство.

— Интересно, есть ли какая-то доля правды во всей этой истории?

— Ни малейшей, — бросил он так резко, что отбил всякую охоту впредь расспрашивать о его личной жизни. — Это моя легенда, и, если Рейнолдс решит пустить по моему следу ищек, все подтвердится, но, думаю, вряд ли он захочет уделить внимание моей скромной персоне. Когда ваши родные поймут, что мы давно знаем друг друга, никто ничего не заподозрит. Кроме того, я вряд ли им так уж нужен, поэтому никто ни о чем не станет допытываться. Если возникнет необходимость, я готов расписать свое прошлое, настоящее и будущее. Если меня не будет рядом, говорите что хотите, только после не забудьте меня предупредить. Ну а теперь потолкуем о вас. Вы уже определились, какую карьеру избрать?

— Разумеется.

Судя по словам осведомителя, отец совершенно ничего не знал о дочери и до сих пор не слишком стремился узнать. Пол не скрывал радости по этому поводу:

— Нам крупно повезло, что ваша мать не успела объяснить Картеру, кем вы стали.

— Везение тут ни при чем. Мама умирала от желания поведать о моих доблестях, но он в два счета заткнул ей рот. Бессердечный грубиян! Ему абсолютно наплевать, что должна была чувствовать мама. Подумать только, ни разу не позвонить за тридцать лет! А когда все-таки соизволил набрать номер, моментально объявил, что у него нет ни времени, ни желания беседовать с ней и просит ее только дать мой номер телефона. — Едва она успела продиктовать цифры, он пообещал перезвонить, когда немного освободится, и повесил трубку.

— Представьте, я понимаю ваши переживания. И целиком и полностью на вашей стороне.

Слоан не искала сочувствия, но дать выход оскорбленным чувствам ей было необходимо.

— Но вам действительно повезло чуть позже, — с улыбкой продолжила она, — когда Картер позвонил мне в участок. Он разговаривал с Интерсоллом. Капитан, к счастью, не представился. Просто рявкнул что-то в трубку. Вот это везение!

— Не говорите, — согласился Пол. — Ну а теперь откройте, что у вас за профессия.

— В колледже я специализировалась в биологии моря и математике, прежде чем поступила в полицейскую академию, но вы просили меня выбрать занятие» которое Рейнолдсы не посчитают чересчур легкомысленным. К сожалению, я не настолько сильна в математике и биологии, чтобы изобразить из себя специалиста в этих областях. Я перебрала множество вариантов, но на прошлой неделе в момент ожидания, пока Сара закончит консультировать клиентку, меня озарило.

— Не держите меня в неведении, иначе я просто умру от нетерпения. Кто же вы теперь?

— Дизайнер интерьеров!

— Гениально! — рассмеялся Пол. — Именно что-то подобное я себе представлял! Надеюсь, вы знаток в этой области?

— Еще какой! Любому могу навешать лапшу на уши! Недаром она столько лет слушала, как Сара распинается о мебели, обоях, шторах и всяческих аксессуарах. А уж о профессиональном жаргоне и говорить нечего. Она как-нибудь сумеет одурачить Картера, который, разумеется, посчитает такой предмет разговора достаточно утомительным и вскоре отвяжется от нее.

— И последнее, — холодно объявил Пол. — Я должен быть абсолютно уверен в том, что вы сумеете сыграть свою роль и превосходно осведомлены о последствиях как двойной игры, так и малейшего отступления от закона. Мы должны и обязаны держаться в строгих рамках и играть по правилам. Слоан превосходно понимала, что он имеет в виду, но все же лишней раз послушать наставления более опытного коллеги не помешает.

— С точки зрения всех этических и юридических норм никто не имеет права вмешиваться в чужую частную жизнь и никто не имеет права беспокоить вашего отца без соответствующего на то разрешения. А поскольку вы едете туда по моему требованию, это означает, что формально вы работаете на ФБР. Но с другой стороны, руководство ФБР не сочло возможным дать мне ордер на обыск, поэтому любую добытую нами улику суд попросту не примет. Это, повторяю, незаконно. Вы можете передавать мне информацию, но при этом не смеее специально ее добывать. Я достаточно ясно выразился? Вы не вправе будете даже открыть ящик стола без моего разрешения.

Слоан с трудом подавила улыбку. Неужели в глазах Пола она настолько глупа и неопытна, что он считает нужным объяснять ей элементарные основы розыскной службы?

— Собственно говоря, я кое-что усвоила из сериала «Закон и порядок».

Пол, казалось, немного успокоился, но тон оставался по-прежнему наставительным.

— Те же правила применимы к подслушанным разговорам. Прежде всего удостоверьтесь, что у вас имеются достаточно веские основания или предлог оказаться именно в этом месте в надлежащее время. Неплохо также, чтобы в этот момент вас кто-то видел. Остерегитесь подслушивать телефонные беседы по параллельному аппарату. Играем строго по правилам, усекли?

— Усекла, — кивнула Слоан. — Беда в том, что, как бы мы ни были осторожны, адвокаты всегда найдут повод уличить нас в некомпетентности и нарушении прав человека.

— В этом и заключается наша работа. Делать все так, чтобы комар носа не подточил. Ваша главная задача — не искать доказательств, а ввести меня в круг приближенных. Я стану

следить за ним. Картер много времени проводит в Палм-Бич, и я желает знать, что он там делает, куда ездит и с кем общается. Вы же — лишь средство подобраться к нему и, возможно, случайно получить ценные сведения, которые потом следует передать мне.

— Понимаю.

Удостоверившись, что его слова не пропадут даром, Пол решил сменить тему на более приятную.

— Знаете, здорово вы это придумали — выдать себя за декоратора! Рейнолдса такая легкомысленная профессия точно не спугнет! В два счета забудет об осторожности.

Слоан вместо ответа тяжело вздохнула. Идея отчего-то перестала казаться ей столь уж блестящей. Она вступает на тропу войны, вот-вот окажется на вражеской территории, окруженная недружелюбными и, вероятно, спесивыми чужаками, которые не постесняются лишний раз пнуть бедную родственницу.

— Слоан! — встревоженно позвал Пол, сворачивая на широкий бульвар, по обе стороны которого возвышались внушительные старинные особняки. — Вас что-то беспокоит? Раздумали выдавать себя за декоратора?

— Дизайнера, — со вздохом поправила она. — Нет, все в порядке. В конце концов, у каждого свой вкус, и если я что-нибудь несусветное ляпну, они просто примут меня за тщеславную, претенциозную особу.

— Вот и прекрасно! — жизнерадостно провозгласил Пол, предвкушая будущий возможный позор Слоан. — Собственно говоря, чем больше Рейнолдс недооценит вас, тем скорее потеряет бдительность и попадет в капкан. Старайтесь выглядеть беспомощной, доверчивой дурочкой. Он заглотит наживку.

— Но почему он должен так легко мне поверить?

— Потому что, судя по вашим же словам, именно такой он считает Кимберли, — тщательно подбирая слова, пояснил Пол, не желая объяснять, что Рейнолдс обычно величал бывшую жену «ничтожеством», «тупой кретинкой с тараканами в голове» и «типичной безмозглой блондинкой».

— Господи, должно быть, я с первого взгляда возненавижу этого человека, — прошипела Слоан и, немного успокоившись, поинтересовалась:

— Какая связь между его мнением о моей матери и отношением ко мне?

— Вы слишком на нее похожи, — усмехнулся Пол.

— Мне так не кажется.

— И напрасно, — безапелляционно отозвался он. — Рейнолдс обязательно заметит сходство и, естественно, предположит, что вы...

Он помедлил, чтобы выбрать наименее оскорбительное из определений Рейнолдса его бывшей жены.

— ..так же доверчивы, как она.

У Слоан сложилось весьма неприятное впечатление, что он уже пришел к какому-то решению и теперь пытается заставить ее действовать по заранее выработанному и отнюдь не приемлемому для нее плану.

— Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я всячески подтверждала его не слишком приятное впечатление о моем интеллекте?

— Если сумеете.

— И поскольку вам заранее было известно мое отношение к вашим низким интригам, вы решили молчать до самой последней минуты?

— Совершенно верно, — нагло брякнул он.

Слоан прислонилась головой к спинке сиденья и, закрыв глаза, почувствовала искреннюю жалость к себе. За что ей все это? В чем она провинилась?

— Потрясающе! Просто фантастика!

— Послушайте, Слоан, вам дали задание, и вы должны выполнять его, а не выставляться перед Рейнолдсом. Так ли уж необходимо, чтобы он вами восхищался, или все-таки можно обойтись и без этого?

Слоан больно прикусила губу и съежилась при мысли о предстоящих неделях унижения и позора.

Наконец машина подъехала к роскошной вилле в итальянском стиле, с подъездной аллеей, вымощенной плитняком, и огромными воротами из кованого железа.

— И последнее, — поспешно проговорил Пол. — Знаю, как это трудно, но вы обязаны скрыть свою ненависть от Рейнолдса. Он отнюдь не глуп и должен убедиться, что вы в самом деле хотите примирения. Сумеете притвориться?

— Вероятно. Во всяком случае, практиковалась.

— Интересно, каким образом? — без усмешки осведомился он, сворачивая на аллею.

— Стояла перед зеркалом, думала обо всех гадостях, которые он сделал, и при этом улыбалась, убеждая себя, что все прекрасно.

Пол громко рассмеялся и крепко, дружески стиснул ее руку, прежде чем опустить боковое стекло и положить палец на кнопку на медном ящичке, укрепленном на каменном столбике перед входом.

— Ну, — скомандовал он, многозначительно кивая на крохотный стеклянный глазок, — улыбку на тридцать два зуба перед камерой!

С этими словами он нажал кнопку.

— Кто там? — раздался мужской голос.

— Слоан Рейнолдс и Пол Ричардсон. Ворота медленно разъехались в стороны.

[Купить полную версию книги](#)